

БЕГИТОВА СВЕТЛАНА

ОТВЕРГНУТАЯ ДРАКОНОМ.

КРОВЬ, КОТОРУЮ
ИСКАЛИ ДРАКОНЫ

Светлана Бегитова
Отвергнутая драконом. Кровь,
которую искали драконы

<https://litres.ru/74448233>

Аннотация

Все предупреждали держаться от него подальше.

Я не послушала.

Потому что невозможно бояться мужчины, который смотрит на тебя так, будто ты — его единственная слабость. ♥#

Невозможно не отвечать на поцелуи.

Невозможно не поверить обещаниям.

Пока Империя раскалывается на части, а кто-то готов на всё ради древней тайны драконов...

...я совершаю самую опасную ошибку в своей жизни.

♥# Я влюбляюсь в мужчину, которого боится весь мир.

☆☆ И если он действительно чудовище... я собираюсь выяснить это сама.

Содержание

Глава 1. Чужой мир	4
Глава 2. Первая кровь	13
Глава 3. Незнакомка	22
Глава 4. Наследник Империи	32
Глава 5. Пробуждение	43
Глава 6. Кровь земли	53
Глава 7. Тень за воротами	61
Глава 8. Кровь просыпается	73
Глава 9. Цена спасения	83
Глава 10. Незнакомка под защитой	93
Глава 11. Кровь богов	103
Глава 12. Турен	111
Глава 13. Правда	119
Глава 14. Право сильного	129
Глава 15. Союзники поневоле	141
Глава 16. Оружейная	150
Глава 17. Опасный потомок	160
Глава 18. Сердце выбирает раньше разума	170
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Глава 1. Чужой мир

Квартира постепенно наполнялась привычной вечерней тишиной, которая всегда приходила незаметно, будто дожидалась момента, когда за окнами окончательно стихнет дневная суета. С улицы еще доносился ровный шум машин, где-то в соседнем дворе смеялись дети, не желавшие расходиться по домам, а на кухне тихо гудел чайник, напоминая о себе лишь тогда, когда в разговоре наступала короткая пауза. Такие вечера Ирис любила больше всего. После бесконечной городской беготни они казались островком спокойствия, где можно было наконец перестать думать о работе, счетах, планах на завтра и бесконечных мелочах, из которых, как ни странно, и складывалась обычная человеческая жизнь.

Она стояла у открытого окна, облокотившись ладонями о широкий подоконник, и наблюдала за тем, как на противоположной стороне улицы медленно загораются окна многоэтажек. В каждом из них шла своя жизнь: кто-то накрывал на стол, кто-то укладывал детей спать, кто-то возвращался домой с работы, устало бросая ключи на тумбочку у двери. Иногда Ирис ловила себя на мысли, что ей нравится придумывать истории совершенно незнакомым людям. Вон тот мужчина с пакетом из супермаркета наверняка снова купил слишком много сладкого, потому что обещал дочери приготовить воскресный торт. Пожилая женщина этажом выше,

как обычно, сейчас включит старый телевизор, сделает себе чай и до полуночи будет смотреть детективы. А молодая пара из соседнего подъезда опять станет спорить из-за какой-нибудь ерунды, хотя уже через полчаса непременно помирится.

Наверное, именно такие мелочи и создавали ощущение дома.

— Если ты сейчас снова скажешь, что размышляешь о смысле жизни, я начну переживать, — раздался за спиной насмешливый голос Алекса.

Она даже не обернулась.

— А если скажу, что думаю о том, как странно устроены люди?

— Тогда перестану переживать. Это хотя бы похоже на тебя.

Ирис улыбнулась и только теперь повернулась к брату. Алекс уже успел переодеться в домашнюю одежду и теперь возился возле кухонного шкафа, пытаясь найти упаковку кофе, которую сам же куда-то убрал утром. Смотреть на эти поиски было забавно: каждый раз он уверенно открывал один и тот же шкаф, удивлялся, что там ничего нет, закрывал его и спустя минуту повторял все сначала.

— Второй слева, — не выдержала она.

— Что?

— Шкаф.

— Не может быть.

— Может.

Алекс открыл нужную дверцу, несколько секунд молча смотрел на стоявшую перед ним банку кофе, после чего обреченно покачал головой.

— Когда-нибудь ты начнешь использовать свои сверхспособности во благо человечества.

— Я уже использую. Иначе ты давно умер бы от голода.

Он рассмеялся и поставил чайник на стол.

— Между прочим, сегодня твоя очередь готовить ужин.

— Неправда. Мы договорились, что готовит тот, кто раньше приходит домой.

— Именно поэтому я сегодня задержался.

— Очень благородно с твоей стороны.

Ирис подошла к холодильнику, достала упаковку овощей и, мельком взглянув на часы, машинально отметила, что до девяти остается совсем немного. День пролетел так быстро, что она даже не успела заметить, когда за окном начало темнеть. Казалось, еще совсем недавно солнце ярко освещало улицу, а теперь мягкие сумерки медленно стирали привычные очертания домов, превращая город в бесконечное море огней.

Она уже собиралась закрыть дверцу холодильника, когда лампа под потолком едва заметно мигнула.

Один раз. Потом второй. А затем в квартире неожиданно погас свет.

— Отлично, — недовольно протянул Алекс, автоматически посмотрев в окно. — Только этого не хватало.

Однако соседние дома по-прежнему светились десятками окон, а фонари вдоль улицы продолжали ровно освещать тротуары, словно электричество исчезло только у них.

— Странно... — тихо произнесла Ирис, поставив упаковку на стол.

Она сделала несколько шагов к выключателю, машинально нажала клавишу, прекрасно понимая бессмысленность этого жеста, и уже хотела достать телефон, чтобы включить фонарик, как вдруг почувствовала, что пол под ногами едва заметно дрогнул, будто где-то совсем рядом прошел тяжелый поезд. Старый дом иногда действительно отзывался подобной вибрацией, поэтому сначала она не придала этому никакого значения, однако через мгновение дрожь повторилась, только теперь намного сильнее, заставив жалобно задребезжать стекла в серванте.

Алекс резко поднял голову.

— Ты тоже это почувствовала?

Ирис молча кивнула.

В следующую секунду воздух прямо посреди комнаты пошел кругами, словно невидимая рука коснулась поверхности прозрачной воды, и пространство, которое еще мгновение назад казалось совершенно обычным, начало медленно изгибаться, теряя привычные очертания. Ни вспышек света, ни оглушительного грохота не последовало. Все происходило почти бесшумно, отчего увиденное казалось еще более невозможным: стены будто отодвигались назад, потолок

плыл перед глазами, а в самом центре комнаты медленно возникала темная трещина, расширявшаяся с каждой секундой и безжалостно разрывавшая саму ткань окружающего мира.

Темная трещина продолжала расширяться с пугающей медлительностью, словно кто-то невидимый с огромным усилием разрывал ткань привычного мира, и чем шире становился этот разлом, тем отчетливее Ирис понимала, что перед ней происходит нечто невозможное, чему невозможно подобрать хоть сколько-нибудь разумное объяснение. Казалось, сама квартира перестала существовать такой, какой была еще мгновение назад: знакомые стены словно теряли свою прочность, очертания мебели расплывались, а воздух дрожал так сильно, что на него становилось почти больно смотреть.

— Алекс... — едва слышно произнесла она, не отрывая взгляда от темной щели.

Он уже стоял рядом, машинально заслонив ее собой, хотя и сам выглядел ничуть не менее растерянным. За всю жизнь ему доводилось видеть многое: аварии, пожары, землетрясение, случившееся несколько лет назад, но сейчас происходило нечто такое, чего не могло существовать ни в одном из известных человеку законов природы.

Разлом неожиданно вздрогнул. Не расширился. Не вспыхнул. Он словно сделал глубокий вдох.

Из его глубины вырвался ледяной поток воздуха, ударив-

ший по комнате с такой силой, что со стола полетели листы бумаги, кухонные полотенца сорвались с крючков, а дверцы шкафов одновременно распахнулись, глухо ударившись о стены. Лампа под потолком вспыхнула ослепительно ярким светом и тут же лопнула с сухим хлопком, осыпав пол дождем мелких стеклянных осколков.

Ирис инстинктивно закрыла лицо руками. В тот же миг пол под ногами исчез.

Она не успела даже вскрикнуть, потому что ощущение опоры пропало мгновенно, словно кто-то одним движением выдернул из-под нее весь окружающий мир. Перед глазами стремительно завертелись темные и серебристые полосы, смешавшись в сплошной поток света, от которого закружилась голова, а тело стало удивительно легким, будто перестало принадлежать ей.

Где-то совсем рядом она слышала голос Алекса. Он что-то кричал. Пытался дотянуться до нее. Она даже почувствовала, как их пальцы почти соприкоснулись, но в следующую секунду какая-то неведомая сила вновь отбросила их друг от друга, и все вокруг окончательно утонуло в густом серебристом тумане.

Невозможно было понять, сколько прошло времени. Несколько ударов сердца или целая вечность. Мысли путались, тело не слушалось, а вокруг не существовало ничего, кроме бесконечного движения, которое то ускорялось, заставляя внутренности болезненно сжиматься, то неожидан-

но замедлялось, будто позволяя сделать короткий вдох перед новым рывком.

И вдруг все закончилось. Так же внезапно, как началось.

Ирис больно ударилась коленями о камень и, не удержавшись, упала вперед, выставив руки. Ладони обожгло холодом шероховатых плит, дыхание перехватило, а в ушах еще продолжал стоять гул, не позволяя сразу понять, что происходит вокруг.

Она с трудом приподнялась на локтях, несколько раз глубоко вдохнула и только теперь заметила, что рядом, всего в нескольких шагах от нее, пытается подняться Алекс. Он выглядел таким же ошеломленным, как и она сама, и первое, что сделал, придя в себя, — резко повернулся в ее сторону.

— Ты цела?

Ирис коротко кивнула, хотя сама еще не была в этом уверена. Лишь после этого она подняла голову и впервые по-настоящему посмотрела вокруг.

Квартиры больше не существовало. Не было ни кухни, ни окон, за которыми совсем недавно шумел вечерний город, ни привычных стен, среди которых прошла почти вся ее жизнь. Вместо них вокруг простирался огромный каменный двор, освещенный десятками высоких факелов, пламя которых беспокойно металось под порывами холодного ветра. Со всех сторон поднимались мощные крепостные стены, настолько высокие, что их вершины терялись в темноте, а над ними развевались длинные знамена с незнакомыми гер-

бами, каких Ирис никогда прежде не видела.

Но сильнее всего ее поразили люди. Их были десятки. Высокие мужчины в тяжелых доспехах, вооруженные мечами, копьями и арбалетами, окружали место, где они появились, плотным кольцом, не оставляя ни малейшей возможности для бегства. Кто-то уже спешивался, кто-то стремительно занимал позиции, а остальные не сводили с двух незнакомцев настороженных взглядов, в которых не было ни удивления, ни растерянности. Лишь холодная готовность уничтожить любого, кто окажется опасен.

Наступила короткая, почти неестественная тишина. Она длилась всего несколько мгновений, но именно за это время Ирис успела понять, что все эти люди смотрят только на них. Не друг на друга. Не на странный разлом, который за их спинами уже начал медленно исчезать. Только на нее и Алекса.

Затем кто-то первым выхватил меч.

За ним второй.

Третий.

И уже через несколько секунд холодный звон стали прокатился по всему двору, словно единая команда заставила десятки клинков одновременно покинуть ножны. Мужчины в темном плаще, стоявший впереди остальных, сделал несколько шагов вперед, внимательно всматриваясь в незваных гостей, после чего медленно поднял руку.

Все вокруг замерли.

Ирис почувствовала, как Алекс осторожно коснулся ее

локтя, будто без слов предлагая держаться вместе, и сама сделала едва заметный шаг ближе к брату, не понимая, что страшит ее сильнее — невозможность объяснить, кто они такие, или абсолютная уверенность в том, что здесь никто не станет их слушать.

Молчание нарушил резкий, властный голос, эхом разнесшийся между каменными стенами:

— Убить чужаков!

И в тот же миг вооруженные люди одновременно шагнули вперед.

Глава 2. Первая кровь

Стоило прозвучать приказу, как оцепление сомкнулось с пугающей слаженностью, будто десятки людей заранее знали, что именно должны сделать, если однажды в самом центре крепости появятся незнакомцы. Никто не задавал вопросов, никто не требовал объяснений и не пытался выяснить, каким образом двое молодых людей оказались среди каменного двора, куда невозможно было проникнуть ни через одни ворота. Их уже приговорили, а значит, оставалось лишь привести этот приговор в исполнение.

Первый арбалетный болт сорвался с тетивы прежде, чем Ирис успела осознать происходящее.

Она лишь краем глаза заметила короткую темную вспышку, услышала резкий свист рассекаемого воздуха и инстинктивно качнулась в сторону. Болт пролетел так близко, что она почувствовала движение воздуха возле щеки, а уже в следующую секунду где-то рядом звонко ударился о камень, выбив из древней плиты россыпь светлых осколков.

Следом в небо взметнулись новые стрелы.

— Беги! — почти одновременно выкрикнул Алекс, хватая сестру за руку.

Они сорвались с места, не имея ни малейшего представления, куда именно нужно бежать, потому что со всех сторон их окружали высокие стены, вооруженные люди и совершен-

но незнакомый мир, в котором каждый шаг мог оказаться последним. Под ногами гулко отдавались каменные плиты, дыхание почти сразу сбилось, а позади уже слышался тяжелый топот десятков сапог, сопровождаемый короткими, отрывистыми командами.

— Не упустить!

— Отрезайте справа!

— Живыми не брать!

Ирис никогда не думала, что человеческий страх способен так сильно менять восприятие времени. Мир словно растянулся, позволяя замечать каждую мелочь с болезненной отчетливостью: отблеск факелов на отполированной стали мечей, клочья пыли, поднятые бегущими людьми, тяжелое дыхание Алекса рядом, собственное сердце, стучавшее так громко, будто хотело вырваться из груди.

Они не успели преодолеть и половины двора, когда впереди выросла новая цепь солдат.

Путь оказался отрезан.

Алекс резко остановился, разворачиваясь назад, но позади кольцо уже почти сомкнулось, и теперь стало очевидно, что никакого выхода не осталось.

— Ирис... — тихо произнес он, впервые за все это время по-настоящему испугавшись.

Она крепче сжала его ладонь, хотя прекрасно понимала, что ничем не сможет помочь. Все происходящее было настолько невозможным, настолько далеким от привычной

жизни, что сознание продолжало отчаянно искать хоть какое-нибудь разумное объяснение, цепляясь за мысль, что это сон, галлюцинация или чудовищная ошибка.

Но мечи были слишком настоящими.

Как и лица людей, медленно приближавшихся к ним.

Как и холодный ветер, приносивший запах сырого камня, дыма и лошадей.

Человек в темном плаще вновь поднял руку, и солдаты почти одновременно выставили вперед копья, заставляя брата и сестру отступить еще на несколько шагов.

— Закончить, — спокойно приказал он.

Именно в этот миг воздух над двором вспыхнул ослепительным золотым светом.

Он возник не снизу и не сбоку, а высоко над головами, словно само ночное небо внезапно раскололось, выпуская наружу поток сияния, настолько яркого, что люди невольно закрывали глаза руками. От этого света каменные стены вспыхнули золотом, факелы почти потеряли свое пламя, а длинные тени заматались по земле, превращаясь в хаотичный танец.

Почти сразу раздался оглушительный удар.

Не похожий ни на раскат грома, ни на взрыв.

Будто столкнулись две огромные невидимые силы.

Мощная волна воздуха прокатилась по двору, сбивая людей с ног, гася часть факелов и заставляя лошадей испуганно вставать на дыбы. Несколько солдат отлетели к стенам, кто-

то выронил оружие, кто-то, не удержавшись, рухнул на колени, закрывая лицо от нестерпимого сияния.

Когда ослепительный свет начал понемногу меркнуть, Ирис увидела человека.

Он стоял между ними и вооруженными людьми так спокойно, словно оказался здесь задолго до начала схватки. Высокий, широкоплечий, закутанный в темный дорожный плащ, скрывавший большую часть доспехов, он держал в руке длинный меч, лезвие которого было окутано тем самым золотым сиянием, что несколькими мгновениями раньше разорвало ночную темноту.

Лица незнакомца Ирис почти не различала, однако ей хватило одного взгляда на замерших солдат, чтобы понять: боятся они вовсе не ее с Алексом.

Они боятся именно этого человека.

И впервые с того момента, как чужой мир затянул их в свою безжалостную реальность, она почувствовала, что надежда еще не умерла.

Незнакомец не стал отвечать ни на вопрос Ирис, ни на удивленные взгляды солдат, потому что время для слов безвозвратно ушло в ту самую минуту, когда над крепостью прозвучал приказ убить чужаков. Он лишь медленно поднял меч, лезвие которого по-прежнему было окутано золотистым сиянием, и сделал несколько шагов навстречу приближающимся воинам. Казалось невероятным, что один человек способен остановить целый отряд, однако произошло

именно это. Те, кто еще мгновение назад уверенно наступал, неожиданно замедлили шаг, а затем и вовсе остановились, переглядываясь между собой с плохо скрываемой тревогой. Ирис не понимала причины этой внезапной нерешительности, но достаточно было посмотреть на лица вооруженных людей, чтобы почувствовать: страх испытывают не они с Алексом, а те, кто собирался их казнить.

— Турен... — почти с ненавистью произнес человек в темном плаще, командовавший стражей. — Не думал, что ты осмелишься прийти сюда лично.

Незнакомец никак не отреагировал на эти слова. Он смотрел только вперед, словно видел перед собой не отдельного противника, а всю опасность целиком, и лишь негромко произнес:

— Отойдите. Эти двое не имеют отношения к нашей войне.

В ответ раздался короткий, сухой смешок.

— Тем хуже для них.

Следующее мгновение поглотил бой.

Ирис никогда прежде не видела человека, который двигался бы с подобной скоростью. Казалось, он вовсе не сражается, а каким-то непостижимым образом заранее знает, откуда последует следующий удар. Меч в его руке описывал широкие сверкающие дуги, золотой свет вспыхивал при каждом столкновении стали, а люди один за другим отлетали назад, не успевая даже приблизиться настолько, чтобы достать

его клинком. В происходящем не было ничего общего с теми поединками, которые показывали в кино или исторических реконструкциях. Это была настоящая битва, жестокая, стремительная и беспощадная, где цена малейшей ошибки измерялась человеческой жизнью.

— За мной! — бросил он через плечо, не оборачиваясь.

Ирис не стала задавать вопросов. Сейчас она уже не думала, кто этот человек и почему рискует собой ради совершенно незнакомых людей. Единственным желанием было выбраться отсюда живыми, пока кольцо солдат окончательно не сомкнулось.

Они бежали следом за ним по узкому проходу между каменными зданиями, а позади все громче раздавались крики преследователей, звон оружия и тревожные сигналы рогов, эхом отражавшиеся от высоких крепостных стен. Несколько раз Ирис казалось, что спасение уже совсем рядом. Впереди действительно показалась широкая арка, за которой начиналась дорога, уходившая за пределы внутренней крепости, однако стоило им приблизиться, как из темноты навстречу выехал новый отряд всадников.

Лошади, закованные в тяжелую броню, перегородили проход, а за их спинами быстро строились лучники.

Незнакомец резко остановился.

Ирис увидела, как его взгляд скользнул по всадникам, затем по крышам домов, где уже занимали позиции стрелки, потом по дороге, откуда с каждой секундой прибывали но-

вые воины, и впервые заметила в его лице не решимость, а напряженное отчаяние человека, который за одно мгновение просчитывает десятки вариантов и понимает, что ни один из них уже не приведет к благополучному исходу.

Где-то совсем рядом вновь задрожал воздух.

Тонкие серебристые нити, похожие на те, что совсем недавно разорвали московскую квартиру, начали медленно переплетаться между собой, образуя нестабильную светящуюся воронку. Она была гораздо меньше предыдущей, постоянно меняла форму и то расширялась, то сжималась, словно могла исчезнуть в любой момент.

Турен бросил на нее всего один взгляд.

Этого оказалось достаточно, чтобы принять решение.

Он стремительно развернулся к Алексу и Ирис, и девушка впервые увидела его лицо так близко. Оно показалось ей странно знакомым, хотя она готова была поклясться, что никогда прежде не встречала этого человека. В его глазах не было страха за собственную жизнь, но была такая глубокая боль, что она невольно замерла, не понимая, отчего совершенно незнакомый мужчина смотрит на нее так, будто расставание с ней причиняет ему почти физическое страдание.

— Простите меня... — едва слышно произнес он.

Она не успела спросить, за что именно он просит прощения.

Одна за другой в воздух взмыли десятки стрел.

Турен вскинул свободную руку, и золотое сияние мгно-

венно развернулось над ними огромным полупрозрачным куполом. Стрелы с оглушительным треском ударились в невидимую преграду, осыпаясь вниз дождем сломанных древков, однако сразу вслед за ними в защиту ударили новые залпы. По золотистой поверхности одна за другой побежали темные трещины, становившиеся все шире с каждым мгновением.

Он понимал, что удерживать защиту долго не сможет.

Не отпуская меча, Турен сделал шаг к Алексу и неожиданно положил ладонь ему на плечо. Золотой свет вспыхнул так ярко, что Ирис невольно зажмурилась, а когда открыла глаза, брат уже стоял возле самой серебристой воронки, которая начала стремительно затягивать его внутрь.

— Нет! — вскрикнула она, бросаясь вперед.

Алекс тоже рванулся к сестре, успев крепко схватить ее за руку, и на короткое мгновение ей показалось, что сейчас они сумеют удержаться друг за друга, несмотря ни на что. Их пальцы сжались так сильно, что стало больно, однако именно в этот миг защитный купол над головами окончательно лопнул.

Оглушительный удар магии прокатился по площади.

Волна чужой силы буквально рассекла пространство между братом и сестрой.

Пальцы медленно разжались.

Алекс исчез внутри серебристого разлома.

Турен уже бросился к Ирис, но с противоположной сторо-

ны в пролом ворвались всадники, окончательно отрезав его от девушки.

И тогда она впервые по-настоящему поняла, что осталась одна среди мира, который желает ей смерти.

Глава 3. Незнакомка

Рассвет только начинал окрашивать восточный край неба бледным серебром, когда по дороге, тянувшейся вдоль северной границы владений Рионов, медленно двигался небольшой конный отряд. После ночной прохлады над влажными лугами еще стелился густой туман, скрывавший низины и небольшие овраги, а высокие сосны, темными стенами поднимавшиеся по обе стороны дороги, казались молчаливыми стражами этих земель, знавшими каждую тропу и каждого путника, которому выпадало пересечь их пределы.

Во главе отряда ехал молодой мужчина, чье присутствие не требовало ни громких приказов, ни дорогих украшений, ни демонстрации силы для того, чтобы окружающие безошибочно понимали, кто здесь главный. Люди расступались перед ним совершенно естественно, словно так было всегда, а воины, сопровождавшие его, не следили за каждым движением своего командира лишь потому, что давно привыкли: любое принятое им решение окажется верным. Он редко повышал голос, никогда не отдавал приказов в приступе гнева и не требовал уважения, прекрасно понимая, что подобные вещи невозможно получить силой. Именно поэтому его слово ценилось куда выше любого крика.

Джексон Рион возглавил Дом всего три года назад. Слишком рано. Слишком неожиданно.

После смерти отца многие были уверены, что молодой наследник не сумеет удержать власть, что опытные вассалы рано или поздно начнут диктовать ему собственную волю, а соседи непременно воспользуются слабостью нового главы древнего рода. Однако время довольно быстро расставило все по своим местам. Те, кто ожидал увидеть неопытного юношу, обнаружили человека, который умел не только владеть мечом, но и слушать, замечать, принимать решения, за которые впоследствии никогда не приходилось краснеть перед собственными людьми.

Его боялись не потому, что он был жесток.

Напротив.

Во всех соседних владениях хорошо знали: если Джексон дал слово, он его сдержит; если пообещал защиту — не оставит своих людей даже ценой собственной жизни; если объявил войну — значит, все возможности договориться были исчерпаны. Именно эта спокойная надежность заставляла уважать его гораздо сильнее, чем вспыльчивость многих прославленных военачальников.

— Милорд, — поравнялся с ним седоволосый капитан, — восточная застава передала, что ночь прошла спокойно. Ни одной попытки пересечь границу.

Джексон едва заметно кивнул, не сводя взгляда с дороги.

— Значит, спокойно было только у нас.

Капитан удивленно посмотрел на него.

— Почему вы так решили?

Молодой глава Дома медленно поднял голову. Ветер, дувший навстречу, приносил запах дыма, влажной земли и чего-то еще, почти неуловимого, отчего внутри появлялось смутное чувство тревоги.

— Потому что птицы молчат.

Старый воин невольно прислушался. Только теперь он заметил, что лес действительно казался необычно тихим. Ни одной утренней переклички, ни шелеста вспорхнувшей стаи, ни привычного стрекота мелких лесных птиц.

— Возможно, рядом хищник.

— Возможно.

Однако выражение лица Джексона не изменилось.

Он уже собирался тронуть коня дальше, когда где-то далеко, за полосой густого леса, раздался приглушенный человеческий крик.

Настолько слабый, что большинство всадников даже не повернули головы.

Зато Джексон услышал.

И сразу натянул поводья.

Несколько мгновений он молчал, вслушиваясь в ветер, будто надеялся уловить еще хоть один звук, однако лес вновь погрузился в прежнюю тишину.

— Вам показалось? — осторожно спросил капитан.

Вместо ответа Джексон развернул коня.

— Проверим.

Никто не стал спорить.

Отряд свернул с дороги и почти сразу оказался среди старых сосен, где между покрытыми мхом валунами вилась едва заметная тропа, известная лишь местным егерям. Ветки хлестали по плечам всадников, копыта глухо стучали по влажной земле, а воздух становился все тяжелее, словно сам лес пытался предупредить их о приближающейся беде.

Не прошло и нескольких минут, как впереди снова послышались голоса. Теперь их невозможно было спутать с чем-либо другим. Крики. Топот множества ног. Звон оружия. А потом из-за деревьев неожиданно выскочила молодая девушка.

Она бежала так, словно за спиной у нее была сама смерть.

Темные волосы давно выбились из наскоро заплетенной косы, одежда, совершенно не похожая на ту, что носили в Империи, была разорвана о колючие кустарники, а на левом рукаве быстро расползлось темное пятно крови. Она уже заметно хромала, однако продолжала двигаться вперед с тем отчаянным упрямством, которое остается у человека лишь тогда, когда силы давно закончились, а останавливаться все равно нельзя.

Позади нее, ломая молодой подлесок, появились вооруженные всадники. Их было не меньше десятка. Они почти настигли беглянку. Джексон лишь мельком скользнул взглядом по их гербам. Этого оказалось достаточно, чтобы понять: люди пришли со стороны соседних владений, где уже несколько дней происходило что-то странное. Он медленно

выехал вперед, даже не обнажив меча. За его спиной один за другим без лишней суеты занимали позиции воины Дома Рион.

В лесу неожиданно стало очень тихо.

Преследователи натянули поводья почти одновременно. Один из них уже собирался продолжить погоню, но человек постарше резко остановил его, едва заметно покачав головой. Он тоже увидел серебряного дракона, вышитого на темно-синем плаще главы Дома Рион.

Несколько долгих секунд мужчины молча смотрели друг на друга.

Наконец старший всадник коротко склонил голову.

— Эта женщина нарушила закон.

— Тогда предъявите обвинение Совету Домов, — спокойно ответил Джексон. — Сейчас она находится на моей земле.

Тот прекрасно понимал, что пересечь границу владений Рионов без разрешения — значит спровоцировать вооруженный конфликт между Домами. Не сводя тяжелого взгляда с Джексона, он медленно развернул коня.

— Мы еще встретимся, милорд.

— Не сомневаюсь.

Всадники один за другим скрылись среди деревьев. И только после этого девушка, до сих пор державшаяся исключительно на силе воли, сделала еще один неуверенный шаг вперед... и начала падать.

Джексон успел подхватить девушку прежде, чем она кос-

нулась земли.

Она оказалась удивительно легкой, словно за последние несколько часов из нее вместе с кровью ушли не только силы, но и сама способность сопротивляться происходящему, и лишь едва заметное, прерывистое дыхание убеждало его в том, что жизнь все еще не покинула это измученное тело. Ее голова бессильно склонилась к его плечу, длинные темные волосы окончательно рассыпались по разорванному плащу, а тонкие пальцы, еще недавно отчаянно цеплявшиеся за ветви и камни в попытке уйти от погони, теперь медленно разжались, словно сознание наконец позволило себе сделать то, чего не разрешало до этой минуты, — отпустить борьбу.

— Она ранена, милорд, — тихо произнес капитан, подъезжая ближе.

Джексон не ответил.

Его взгляд уже остановился на глубокой ране под левым плечом, которую девушка, должно быть, до последнего пыталась зажимать рукой. Темная ткань насквозь пропиталась кровью, однако гораздо сильнее его внимание привлекло другое. Края разреза выглядели так, будто клинок не просто рассек плоть, а оставил после себя странный серебристый ожог, словно металл был напитан неизвестной силой. За годы, проведенные сначала рядом с отцом, а затем во главе собственного Дома, Джексону доводилось видеть немало ран, нанесенных и обычным оружием, и тем, что создавали лучшие кузнецы Империи, однако с подобным он сталкивал-

ся впервые.

Он осторожно отвел прядь волос, упавшую девушке на лицо, и только теперь смог как следует рассмотреть незнакомку.

Она была совсем юной.

Черты лица казались удивительно мягкими, почти беззащитными, словно судьба никогда не готовила ее к тем испытаниям, которые всего за одну ночь обрушились на нее с такой беспощадностью. На бледной коже отчетливо выделялись длинные темные ресницы, губы слегка побелели от потери крови, а между тонких темных бровей залегла едва заметная складка, словно даже в беспамятстве она продолжала бороться с болью.

Но странным было вовсе не это.

Джексон неожиданно поймал себя на ощущении, которое никак не мог объяснить.

Стоило ему коснуться девушки, как где-то глубоко внутри возникло почти забытое чувство, похожее одновременно на смутное воспоминание и на неясное предчувствие. Ничего подобного прежде с ним не происходило. Казалось, сам воздух вокруг нее становился другим — более плотным, наполненным едва уловимым теплом, от которого сердце на короткое мгновение сбивалось с привычного ритма. Это ощущение не вызывало тревоги, скорее наоборот, однако именно его необъяснимость заставила Джексона нахмуриться.

Он не любил того, чего не понимал.

— Милорд?

Голос капитана вернул его к действительности. Джексон медленно поднял голову.

— Мы не знаем, кто она, — осторожно продолжил старый воин. — Возможно, за ней охотятся не случайно.

— Возможно.

— Тогда разумнее передать ее Совету Домов.

Джексон еще раз посмотрел на девушку.

Несколько мгновений назад те люди были готовы пересечь чужую границу, прекрасно понимая, чем это может закончиться, лишь бы не позволить ей уйти живой. Ради обычной беглянки никто не стал бы рисковать подобным образом. Значит, она действительно представляла для кого-то огромную ценность.

Именно поэтому отдавать ее кому-либо сейчас было нельзя.

— Пока она находится в моих владениях, ответственность за нее лежит на мне, — спокойно произнес он. — Остальное будем выяснять позже.

Капитан не стал возражать.

За долгие годы службы он слишком хорошо изучил своего господина, чтобы понимать: если Джексон принял решение, переубеждать его бесполезно.

Молодой глава Дома легко поднял девушку на руки и направился к своему коню. Лишь на мгновение ему показалось, будто незнакомка едва слышно что-то прошептала. Он

наклонился ниже, пытаясь разобрать слова, однако с побледневших губ сорвался лишь тихий, бессвязный звук, больше похожий на имя, которое она звала во сне.

— Алекс...

Это было единственное слово, которое ему удалось слышать.

Спустя несколько минут отряд уже возвращался в родовой замок Рионов.

Дорога заняла меньше часа, однако Джексону она показалась необычайно долгой. Несколько раз он прикладывал ладонь к шее девушки, убеждаясь, что слабый пульс все еще прощупывается, а каждый раз, когда лошадь переходила на более жесткий шаг, невольно придерживал ее чуть крепче, стараясь уберечь от лишней боли, хотя она по-прежнему не приходила в сознание.

Замок Рионов показался на вершине холма неожиданно быстро.

Высокие светлые стены, сложенные из серого гранита, были хорошо видны еще издалека, а над главной башней лениво развевалось темно-синее знамя с серебряным драконом — древним символом Дома, который на протяжении многих столетий считался одним из самых влиятельных родов Империи.

Едва ворота начали открываться, навстречу уже спешили слуги.

— Немедленно приготовьте восточные покои, — распо-

рядился Джексон, не сбавляя шага. — И пошлите за мастером Эдвардом. Скажите, что речь идет не о простом осмотре. Пусть возьмет все необходимое.

Слуги бросились выполнять приказ без единого лишнего вопроса.

Джексон сам поднялся по широкой каменной лестнице на второй этаж и осторожно опустил девушку на кровать. Только теперь, когда напряжение последних часов понемногу начало отпускать, он почувствовал, насколько сильно устал. Однако стоило ему сделать шаг назад, как то странное ощущение вновь коснулось его, заставив остановиться.

Комната была совершенно обычной.

Умиравшая незнакомка тоже выглядела совершенно обычной.

И все же что-то рядом с ней незримо менялось.

Будто сама судьба, еще совсем недавно текшая размеренно и спокойно, в эту ночь незаметно свернула с привычного пути, втягивая в свой стремительный водоворот не только неизвестную девушку, но и его самого, хотя Джексон пока даже не подозревал, насколько тесно их жизни уже оказались связаны.

Глава 4. Наследник Империи

Сознание возвращалось медленно, словно его затягивало обратно из вязкой темноты, в которой не существовало ни времени, ни боли, ни воспоминаний. Первым Алекс почувствовал запах — терпкий аромат каких-то незнакомых трав, смешанный с легким дымом горящего дерева, затем ощутил тяжесть плотного шерстяного покрывала, укрывавшего его до самого подбородка, и только после этого осторожно открыл глаза, пытаясь понять, где находится.

Потолок над ним был сложен из массивных дубовых балоков, потемневших от времени, высокое окно, прикрытое тяжелыми шторами, пропускало рассеянный утренний свет, а где-то совсем рядом негромко потрескивали поленья в камине. Комната казалась незнакомой во всем, начиная от мебели, изготовленной явно вручную, и заканчивая массивным мечом, висевшим над каменной кладкой очага. Ни единой вещи, напоминавшей о привычном мире, здесь не было.

Несколько секунд Алекс лежал неподвижно, пытаясь собрать воедино обрывки последних воспоминаний, однако стоило памяти вернуть ему залитый кровью двор крепости, крики вооруженных людей и серебристый разлом, разорвавший пространство у него на глазах, как он резко сел на постели, не обращая внимания на мгновенно отозвавшуюся боль во всем теле.

— Ирис...

Это имя сорвалось с его губ прежде, чем он успел подумать.

Он торопливо оглядел комнату.

Она была пуста.

Сердце болезненно сжалось.

— Ирис!

Дверь почти сразу открылась.

На пороге появился тот самый мужчина, который вывел их из окружения, а затем, рискуя собственной жизнью, пытался удержать натиск десятков вооруженных солдат. Сейчас на нем уже не было тяжелых доспехов, лишь темная одежда без каких-либо знаков отличия, однако даже в этом простом наряде чувствовалась привычка человека, всю жизнь несшего на своих плечах ответственность, которой хватило бы на судьбы нескольких поколений.

Несколько мгновений он молча смотрел на Алекса.

В его лице не было ни облегчения от того, что юноша пришел в себя, ни привычной строгости военачальника. Лишь усталость, которую невозможно скрыть после ночи, за время которой пришлось слишком многое потерять.

— Где она? — Алекс даже не заметил, что почти кричит.
— Где моя сестра?

Мужчина не ответил.

И именно это молчание оказалось страшнее любых слов.

Алекс одним движением отбросил покрывало, собираясь

вскочить с постели, однако ноги тут же предательски подко-
сились. Он едва удержался, ухватившись за край стола, но
уже в следующую секунду снова попытался идти, словно од-
ним упрямством можно было преодолеть слабость, оставшу-
юся после пережитого.

— Где Ирис? — повторил он, подходя почти вплотную.
— Вы обещали вывести нас обоих. Я видел... я видел, что
она была рядом. Где она?

Мужчина медленно закрыл дверь.

Лишь после этого поднял взгляд.

— Я не знаю.

Эти три слова прозвучали спокойно.

Слишком спокойно.

Настолько спокойно, что Алекс почувствовал, как внутри
стремительно поднимается ярость.

— Не знаете? — хрипло переспросил он. — Это все, что
вы можете сказать? Вы появились неизвестно откуда, прита-
щили нас в этот мир, а теперь говорите, что не знаете, где
моя сестра?

— Я не приводил вас сюда.

— Тогда кто?!

— Если бы я знал ответ на этот вопрос, многое сегодня
произошло бы иначе.

Алекс больше не слышал его.

Перед глазами вновь вспыхнуло лицо Ирис в тот самый
миг, когда их пальцы разжались под ударом неизвестной си-

лы, и чувство вины, до этого лишь глухо пульсировавшее где-то внутри, превратилось в почти физическую боль. Ему казалось, что стоило всего на одно мгновение сильнее удержать ее руку, сделать хоть что-нибудь иначе, и ничего этого не случилось бы.

— Вы должны были спасти ее! — почти выкрикнул он. — Слышите? Должны были!

Мужчина долго молчал.

Затем медленно подошел к окну и, не оборачиваясь, тихо произнес:

— Если бы существовал хотя бы один способ вывести вас обоих из той ловушки, я не задумываясь воспользовался бы им.

В его голосе не было оправданий.

Не было желания убедить.

Лишь усталое спокойствие человека, который уже много раз прокручивал в памяти произошедшее и каждый раз приходил к одному и тому же выводу.

— Я сделал выбор не потому, что одна жизнь была для меня дороже другой. Я сделал его потому, что через несколько секунд погибли бы все трое.

Алекс сжал кулаки так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Он хотел возразить.

Хотел обвинить этого человека во лжи, в трусости, во всем, что только приходило в голову.

Но не смог.

Потому что слишком хорошо помнил выражение его лица в ту секунду, когда серебристый разлом начал закрываться. Тогда, среди хаоса и криков, он успел увидеть не равнодушные, а отчаяние человека, которому приходилось принимать невозможное решение.

— Кто вы такой? — уже гораздо тише спросил Алекс.

Мужчина медленно повернулся.

— Меня зовут Турен.

Это имя ничего не значило для юноши.

Он лишь вопросительно посмотрел на собеседника, ожидая продолжения.

Турен некоторое время молчал, словно мысленно возвращаясь на много лет назад, к событиям, которые сам предпочел бы никогда больше не вспоминать.

— Очень давно, когда ты был еще младенцем, я дал обещание человеку, которого считал не только своим Императором, но и своим другом. В тот день я поклялся, что сохраню жизнь его сыну, чего бы мне это ни стоило, и все эти годы не позволял себе забыть эту клятву ни на один день. Именно поэтому, когда над вашим миром начали разрушаться защитные границы, я отправился за вами, хотя прекрасно понимал, что могу уже не успеть.

Алекс неподвижно смотрел на него.

— О каком Императоре вы говорите?

Турен сделал глубокий вдох.

— О твоём отце.

Турен не сразу продолжил. Он медленно подошел к окну, за которым в холодном утреннем свете темнели зубчатые стены крепости, и несколько мгновений молча смотрел вдаль, словно надеялся разглядеть за бесконечной цепью гор не сегодняшнюю Империю, раздираемую страхом и взаимным недоверием, а ту, которую помнил сам, — спокойную, сильную, уверенную в завтрашнем дне, когда человек, о котором от только что говорил, еще был жив, а слово Императора не нуждалось ни в доказательствах, ни в поддержке.

— Твой отец не родился правителем, — наконец заговорил он, не оборачиваясь. — Он стал им потому, что люди сами захотели идти за ним. В молодости многие считали его слишком мягким, слишком доверчивым, неспособным удерживать огромную Империю, где каждый Великий Дом привык прежде всего думать о собственных интересах, однако именно те качества, которые его противники называли слабостью, впоследствии превратились в его главную силу. Он никогда не правил страхом, не заставлял склонять головы перед собой и не искал врагов там, где можно было найти союзников, поэтому очень скоро даже самые непримиримые из его противников были вынуждены признать, что лучшего Императора страна не знала уже многие поколения.

Алекс молча слушал, не перебивая.

Ему было трудно представить человека, которого он всю жизнь считал умершим задолго до собственного рождения,

живым, смеющимся, принимающим решения, способным изменить судьбу огромного государства, и еще труднее было принять мысль, что этот человек был его отцом. Все, что до сегодняшнего дня казалось единственной возможной правдой, рушилось слишком стремительно, оставляя после себя лишь бесконечную пустоту, которую пока было нечем заполнить.

— Когда ты появился на свет, твой отец уже знал, что однажды назовет тебя своим наследником, однако открыто признать тебя тогда не мог, — продолжил Турен уже тише, — Люди верили, что впереди их ждет долгий мир, однако именно тогда начали происходить события, которых никто не сумел вовремя заметить. Среди Великих Домов появились те, кто решил, что гораздо выгоднее разделить власть между собой, чем продолжать служить законному Императору, и пока твой отец пытался сохранить страну от новой войны, заговорщики терпеливо готовились нанести единственный удар, который уже невозможно было бы исправить.

Он ненадолго замолчал, словно каждое следующее слово заставляло его вновь переживать те дни.

— В тот вечер, когда стало окончательно ясно, что переворот неизбежен, Император не думал о себе. Он понимал, что дворец может пасть, понимал, что сам, возможно, уже не увидит следующего рассвета, однако больше всего его страшила судьба двух детей, которые по воле судьбы оказа-

лись связаны друг с другом гораздо крепче, чем кто-либо мог предположить.

Алекс поднял взгляд.

— Вы говорите об Ирис?

— Да.

Турен медленно повернулся к Алексу, и в его взгляде впервые за весь разговор появилась почти неуловимая теплота, рождавшаяся не из воспоминаний о давно минувших событиях, а из осознания того, что сейчас ему предстоит разрушить еще одну правду, в которую молодой человек искренне верил всю свою жизнь.

— Ты всегда называл Ирис своей сестрой, и я никогда не запрещал тебе этого, потому что семья рождается не только кровью. Да, у вас разные родители, но вы выросли рядом, делили один дом, одни радости и одни страхи, а потому стали друг другу ближе, чем многие родные брат и сестра. Твоя мать была моей старшей дочерью, женщиной, которую Император любил больше собственной жизни. Ирис же — моя младшая дочь. Судьба распорядилась так, что вы появились на свет почти одновременно, а спустя совсем недолгое время оба потеряли тех, кто должен был стать для вас защитой.

Турен ненадолго умолк, словно каждое воспоминание по-прежнему причиняло ему боль, которая с годами не стала слабее.

— Когда Император понял, что заговор уже невозможно остановить, он думал не о троне и не о собственной жизни.

Он понимал, что власть можно потерять, дворец можно отбить обратно, даже разрушенную Империю однажды удастся восстановить, но если погибнете вы, исчезнет само будущее нашей страны. Именно тогда он доверил мне вас обоих и заставил поклясться, что, какой бы ценой это ни обошлось, я сохраню ваши жизни.

Алекс медленно опустился на стул, чувствуя, как привычный мир окончательно рассыпается на части.

Перед глазами неожиданно возникли самые обычные картины московской жизни, которые еще вчера казались такими естественными, что он никогда не задумывался об их ценности. Маленькая кухня, где Ирис неизменно ворчала, если он снова забывал убрать за собой кружку, дорога до университета под проливным дождем, вечера, когда они вместе смотрели старые фильмы, спорили по пустякам и были абсолютно уверены, что именно так живут все семьи на свете. Теперь каждое из этих воспоминаний обрело совершенно иной смысл, потому что за ним скрывалась чужая жертва, чужая тайна и долгие годы ожидания.

— Значит... мы действительно жили под чужими именами?

— Да, — спокойно ответил Турен. — И каждый прожитый вами день был подарком, который приходилось вырывать у судьбы снова и снова.

Он подошел к массивному столу, развернул лежавшую на нем карту Империи и некоторое время молча смотрел на пе-

реплетение рек, горных хребтов и границ Великих Домов, словно искал среди них ответ, которого не существовало.

— Ты спросил, почему именно сейчас вы оказались здесь. Причина не в том, что я решил наконец вернуть вас домой. Поверь, если бы выбор зависел только от меня, я предпочел бы, чтобы вы прожили долгую и спокойную жизнь в своем мире, так никогда и не узнав, кем были на самом деле. Однако защита, скрывавшая вас все эти годы, начала разрушаться значительно быстрее, чем я предполагал. Миры больше не удавалось удерживать разделенными, а люди, которым выгодно исчезновение законного наследника, почувствовали эти изменения раньше, чем я успел подготовиться. Когда открылся проход, у меня уже не оставалось времени выбирать между хорошим и плохим решением — оставалось лишь попытаться спасти вас прежде, чем это сделают те, кто давно мечтал закончить дело, начатое много лет назад.

Алекс медленно поднял голову.

— Значит, теперь они знают, что я жив?

— Пока они знают только одно — наследник вернулся в Империю. Кто именно оказался по ту сторону разлома, им еще предстоит выяснить, однако времени у нас почти не осталось. Рано или поздно слухи разойдутся по всей стране, а вместе с ними начнется охота, остановить которую будет уже невозможно.

Турен положил ладонь на изображение столицы, затем медленно провел пальцами по гербам Великих Домов, окру-

жавших сердце Империи плотным кольцом.

— Именно поэтому мы не можем отправиться во дворец прямо сейчас. Для одних ты — давно погибший ребенок, для других — опасный самозванец, которого выгоднее устранить, чем выслушать. Одного лишь права рождения недостаточно, чтобы сесть на трон. Власть Императора всегда держалась не только на крови правящей династии, но и на доверии Великих Домов. Пока они не признают тебя законным наследником, любой человек сможет назвать тебя лжецом, и слишком многие предпочтут поверить именно ему.

Он ненадолго замолчал, позволяя Алексу самому осознать смысл сказанного.

— Поэтому прежде, чем ты приблизишься к столице, нам придется пройти долгий путь и заручиться поддержкой тех, чьи гербы ты сейчас видишь перед собой. Лишь тогда у Империи появится шанс избежать новой войны, а у тебя — возможность вернуть себе не просто корону, а право быть Императором, которого признают не из страха, а по закону.

Глава 5. Пробуждение

Сознание возвращалось медленно, будто кто-то слой за слоем снимал с нее тяжелую пелену, отделявшую сон от реальности. Ирис не сразу открыла глаза. Некоторое время она неподвижно лежала, прислушиваясь к непривычной тишине, нарушаемой лишь негромким потрескиванием поленьев в камине и редкими порывами ветра, ударявшими в оконные ставни. Все тело ломило так, словно по нему прошли копытами десятки лошадей, а каждый вдох отзывался тупой болью под ребрами, заставляя вспомнить последние мгновения перед тем, как темнота окончательно поглотила ее.

Она осторожно приподнялась на локтях и только теперь заметила, что плечо, бок и предплечье были туго перебинтованы свежими белыми повязками, от которых исходил терпкий запах целебных трав. Кто-то промыл и обработал ее раны, кто-то несколько часов сидел рядом, меняя компрессы и не позволяя ей умереть от потери крови, однако эта мысль не принесла ей облегчения. Напротив, сердце тревожно сжалось, потому что память мгновенно воскресила лица вооруженных людей, окруживших их с Алексом после падения в незнакомый мир, а вслед за ними возникла единственная мысль, вытеснившая все остальные.

Где Алекс?

Ирис резко сбросила покрывало, едва не застонала от бо-

ли и, стиснув зубы, медленно опустила ноги на холодный деревянный пол. Голова тут же закружилась, перед глазами поплыли темные пятна, однако она заставила себя подняться, придерживаясь рукой за край кровати. Если Алекс жив, она обязана найти его. Если его схватили... она не имеет права лежать здесь, пока неизвестные люди решают их судьбу.

Комната была незнакомой, но вовсе не походила на темницу. Наоборот, тяжелая добротная мебель, вышитые гобелены на стенах и ярко горевший камин говорили о достатке хозяев этой крепости, однако именно это настораживало еще сильнее. Люди, способные позволить себе подобное жилище, редко бывают случайными свидетелями чужой беды, а значит, они наверняка знают гораздо больше, чем готовы рассказать.

Стараясь ступать как можно тише, Ирис подошла к двери и осторожно приоткрыла ее. В крепости царила глубокая ночь. Узкий коридор освещали лишь несколько масляных ламп, оставлявших на стенах длинные колеблющиеся тени, а откуда-то снизу доносились приглушенные голоса. Кто-то спокойно разговаривал, иногда раздавался смех, звякала посуда, словно для обитателей этой крепости сегодняшний день ничем не отличался от любого другого.

Она медленно вдохнула.

Они ужинают.

Значит, все собрались в одном месте.

Нужно только найти Алекса.

Ирис сделала несколько осторожных шагов по коридору, придерживаясь рукой за стену, потому что с каждой минутой слабость становилась сильнее. Боль в боку постепенно превращалась в горячую пульсацию, дыхание становилось тяжелее, однако она продолжала идти, упрямо игнорируя протест собственного тела. Лестница показалась бесконечной. Каждый пролет требовал усилий, которых у нее уже почти не осталось, но чем отчетливее становились голоса, тем сильнее росла уверенность, что еще немного — и она увидит брата.

Она уже различала слова, хотя смысл разговора ускользал, когда внезапно внутри будто что-то оборвалось.

Не боль.

Не страх.

Совсем иное чувство.

Воздух вокруг нее неожиданно задрогнул, словно раскаленный летний горизонт, пространство поплыло, стены коридора утратили четкость, а пол на одно короткое мгновение исчез из-под ног. Ирис инстинктивно попыталась ухватиться за перила, но пальцы сомкнулись лишь на пустоте, а в следующий миг окружающий мир словно сложился сам в себя.

Она даже не успела вскрикнуть.

Когда зрение вновь обрело ясность, лестницы перед ней уже не было.

Она стояла посреди просторной гостиной.

За длинным столом, освещенным десятками свечей, сидели люди, еще секунду назад мирно заканчивавшие поздний

ужин. Никто из них не успел произнести ни слова. На лицах застыло одинаковое выражение недоумения, потому что де-вушка не вошла в комнату, не открыла дверь и не спустилась по лестнице.

Она просто возникла.

Совсем рядом.

За спиной высокого темноволосого мужчины, которого Ирис узнала мгновенно. Именно он отбил ее у преследователей в лесу.

Не позволяя себе задуматься ни на мгновение, она схватила со стола первый попавшийся предмет — небольшой десертный нож с узким серебристым лезвием — и, вложив в это движение остатки сил, прижала его между лопаток мужчины.

В комнате стало так тихо, что слышно было, как где-то в камине осыпается прогоревшее полено.

— Не двигайтесь... — голос Ирис прозвучал хрипло, почти шепотом, но в нем слышалась такая отчаянная решимость, что никто не рискнул сделать ни одного лишнего движения. — Кто вы такие?

Мужчина медленно поднял руки, показывая, что не собирается сопротивляться.

— Вы в безопасности.

— Не лгите мне.

Лезвие сильнее уперлось ему в спину.

— Где Алекс? Что вы сделали с моим братом? Если хоть

один волос упал с его головы...

Она не договорила.

Перед глазами все снова поплыло.

Комната будто начала медленно вращаться, лица людей расплывались, превращаясь в бесформенные светлые пятна, а пальцы, до этого судорожно сжимавшие рукоять ножа, внезапно перестали слушаться.

Мужчина очень осторожно произнес, не делая ни малейшей попытки повернуться:

— Мы не причинили вреда ни тебе, ни твоему брату. Клянись честью Дома Рион.

Ирис хотела ответить, но губы уже не слушались.

Последнее, что она успела почувствовать, — это странное тепло, внезапно разлившееся по комнате, словно где-то совсем рядом на мгновение проснулось огромное сердце, до этого спавшее бесчисленные годы.

Нож выскользнул из ослабевших пальцев.

Ирис качнулась вперед.

Однако прежде, чем ее тело коснулось пола, сильные руки успели подхватить ее, а Джексон, сам не понимая, почему прижимает к себе совершенно незнакомую девушку с такой тревогой, словно от ее следующего вдоха зависела часть его собственной жизни, впервые ощутил внутри себя едва уловимое движение чего-то древнего, огромного и необъяснимого, что до этой минуты мирно спало в самой глубине его души и теперь, откликнувшись на одно-единственное при-

косновение, медленно открывало глаза.

Ночь уже полностью вступила в свои права, когда высоко над безлюдными скалами, далеко за пределами земель, принадлежащих Великим Домам, само небо содрогнулось так, будто невидимая рука с чудовищной силой разорвала его изнутри.

Беззвучная серебристая трещина появилась между звездами неожиданно и столь же стремительно начала расширяться, раздвигая пространство в стороны. Холодный ветер, которого еще мгновение назад не существовало, с ревом устремился вниз, заставляя пригибаться редкие сосны, цеплявшиеся корнями за каменистые уступы, а по поверхности древних скал одна за другой побежали светящиеся линии, словно сама земля узнала силу, которой не чувствовала уже многие столетия.

Разлом оставался открытым совсем недолго.

Ровно настолько, чтобы из ослепительного серебристого сияния один за другим вышли трое.

Первыми ступили на камень двое мужчин в длинных темных плащах, скрывавших их лица глубокими капюшонами. Они двигались осторожно, внимательно осматриваясь по сторонам, словно каждый из них ожидал встретить здесь засаду, однако горное плато было пустынным. Лишь ветер продолжал глухо завывать среди камней, да где-то далеко внизу шумела скрытая в ущелье река.

Последним появился высокий мужчина в черной дорож-

ной одежде, почти лишенной украшений. Его движения были спокойными и уверенными, а лицо, освещенное холодным светом затягивавшегося разлома, казалось удивительно молодым для человека, во взгляде которого читалась усталость, накопленная за долгие десятилетия. Он не спешил делать ни шага вперед, позволяя пространству окончательно успокоиться, и лишь после этого медленно поднял голову к темному небу, наблюдая, как серебристая трещина начинает исчезать, словно ее никогда и не существовало.

— Мы успели, — негромко произнес один из магов, нарушая затянувшееся молчание. — Еще несколько мгновений, и переход закрылся бы окончательно.

Высокий мужчина едва заметно кивнул.

— Он уже нестабилен, — продолжил второй, проводя ладонью над темным кристаллом, закрепленным на конце посоха. Камень на короткое мгновение вспыхнул густым синим светом, после чего вновь потускнел. — Барьер стремительно разрушается. Если процесс не остановить, очень скоро граница между мирами исчезнет окончательно.

Мужчина спокойно выслушал его, не проявив ни удивления, ни тревоги.

Словно услышал лишь подтверждение тому, что давно знал сам.

Он медленно подошел к самому краю обрыва. Отсюда открывался вид на бесконечные цепи гор, растворявшиеся в ночной дымке, и где-то далеко, на самом горизонте, едва раз-

личимое золотистое свечение большого города.

— Значит, времени осталось еще меньше, чем мы предполагали, — произнес он наконец.

Оба мага переглянулись.

— Ты действительно уверен, что он существует? — осторожно спросил старший из них. — Прошло слишком много времени. Род Турена мог оборваться еще несколько десятилетий назад.

На лице мужчины появилась едва заметная улыбка.

Не веселая.

Скорее усталая.

— Если бы род оборвался, — тихо ответил он, — мы бы никогда не смогли открыть этот проход.

Его слова заставили магов вновь замолчать.

Они слишком хорошо понимали, что подобные вещи невозможно объяснить простым совпадением.

Слишком многое в мире подчинялось законам, установленным задолго до рождения нынешних поколений.

— Значит... потомок жив, — медленно произнес младший маг.

— Да.

— Тогда остается только найти его.

Высокий мужчина наконец повернулся к своим спутникам.

— Не только найти.

Его голос звучал спокойно, однако за этим спокойствием

скрывалась такая уверенность, что оба мага невольно выпрямились.

— Нам необходимо привести его к месту, где было произнесено древнее проклятие.

Младший маг нахмурился.

— Ты действительно веришь, что он согласится?

Мужчина ненадолго задумался.

Перед его глазами словно промелькнули события настолько далеких времен, что память давно превратила их в смутные тени.

— Не знаю, — честно ответил он. — Возможно, нет.

— Тогда зачем искать его?

Он поднял взгляд к ночному небу.

— Потому что только потомок первой линии Турена способен разрушить проклятие, которое однажды наложил бог Синей.

Последние слова растворились в порыве ветра. Ни один из магов больше не заговорил. Они слишком хорошо понимали цену этого имени. Имени бога, чьи решения никогда не менялись и чьи проклятия переживали не только государства, но и целые эпохи.

Высокий мужчина еще некоторое время молча смотрел на темный горизонт, за которым простиралась огромная Империя, даже не подозревавшая, что этой ночью на ее землю вернулся человек, способный изменить судьбу сразу двух миров, после чего спокойно запахнул плащ и сделал первый шаг

по узкой горной тропе.

— Идем, — произнес он негромко. — Если судьба наконец снова свела все дороги воедино, значит, наследник уже начал свое путешествие... а нам нельзя позволить кому-то добраться до него раньше нас.

Высоко над их головами последние следы разлома окончательно исчезли, словно само небо поспешило скрыть от мира тайну, свидетелями которой этой ночью стали лишь ветер, горы и древние камни, помнившие времена, когда боги еще ходили среди людей.

Глава 6. Кровь земли

Роз Рион проснулась задолго до рассвета, хотя за многие годы почти отучила себя просыпаться среди ночи без причины. Сон ушел неожиданно, словно кто-то бесшумно коснулся ее плеча и заставил открыть глаза, однако в комнате никого не было. Лишь тусклый лунный свет, пробивавшийся сквозь тяжелые портьеры, серебрил старый дубовый пол, а за высоким окном тихо покачивались ветви деревьев, окружавших поместье Рион со всех сторон. Некоторое время женщина неподвижно лежала, прислушиваясь к привычным звукам спящей крепости, который за столько десятилетий стал продолжением ее самой, и постепенно приходила к мысли, что разбудил ее вовсе не шум, не тревожный сон и не случайное воспоминание, а то самое едва уловимое ощущение, которое не покидало ее с того мгновения, как ее сын Джексон переступил порог крепости с незнакомой девушкой на руках.

За свою жизнь Роз научилась доверять подобным ощущениям гораздо больше, чем здравому смыслу. Слишком часто ей приходилось убеждаться, что настоящая опасность никогда не появляется внезапно. Она приходит медленно, почти незаметно, позволяя человеку убедить себя, будто все происходящее можно объяснить обычным совпадением, однако именно в такие моменты ведьма должна была отказаться от любых оправданий и внимательно прислушаться к тому,

что пыталась подсказать ей собственная кровь. Сегодня это чувство оказалось особенно настойчивым. Оно не кричало об угрозе, не заставляло сердце биться быстрее и не рождало страха, но упорно не позволяло успокоиться, возвращая мысли к девушке, которую Джексон нашел в лесу, и к странном ситуации, произошедшей за семейным ужином.

Роз отчетливо помнила каждое слово сына. Он говорил спокойно, не придавая значения многим деталям, потому что видел в них лишь цепочку случайностей, однако для женщины, прожившей жизнь, куда более долгую, чем могли представить ее дети, именно случайности всегда становились причиной самых страшных перемен. Незнакомка появилась в лесу совершенно одна, хотя вокруг не было ни деревень, ни дорог, по которым могла бы пройти молодая девушка; она получила тяжелые ранения, но сумела уйти от вооруженных преследователей, а затем, едва придя в сознание, каким-то непостижимым образом оказалась в гостинной, не пройдя ни через двери, ни по лестнице. Джексон искренне пытался найти разумное объяснение увиденному, однако Роз знала, что некоторые вещи не нуждаются в объяснениях, потому что сами являются ответом на вопросы, которые человек еще не успел себе задать.

Она медленно поднялась с постели, не зажигая свечей, и подошла к окну. За стеклом темнел лес, раскинувшийся до самых подножий гор, и в этой густой ночной тишине было что-то необыкновенно спокойное, почти умиротворяющее,

словно сама природа пыталась убедить ее отказаться от тревожных мыслей и дожждаться утра. В другое время она, вероятно, так и поступила бы, но сегодня внутренний голос настойчиво подсказывал, что ждать нельзя. Если девушка действительно оказалась здесь случайно, она лишь напрасно потеряет несколько часов, однако если за ее появлением скрывалось нечто большее, утро могло наступить слишком поздно.

Не прошло и нескольких минут, как Роз уже бесшумно пересекала спящую крепости, стараясь не потревожить ни слуг, ни детей. За долгие годы она настолько привыкла двигаться тихо, что старые деревянные ступени, неизменно скрипевшие под ногами любого другого человека, словно сами уступали ей дорогу. Выйдя за пределы поместья, женщина глубже вдохнула прохладный ночной воздух, наполненный запахом влажной земли, хвои и недавно прошедшего дождя, после чего уверенно направилась к лесной дороге, по которой Джексон возвращался домой. Она не выбирала направление наугад. Память подсказывала ей каждое движение сына, каждое слово его рассказа, и этого оказалось достаточно, чтобы безошибочно найти то самое место, где впервые появилась незнакомка.

Когда впереди показалась небольшая поляна, Роз замедлила шаг. На первый взгляд здесь не было ничего необычного. Примятая трава постепенно поднималась после недавней схватки, ветер успел замести большую часть следов, а

темнота надежно скрывала пятна крови, однако ведьме вовсе не требовалось видеть происходившее собственными глазами. Мир помнил гораздо больше, чем люди были способны заметить, и если научиться слушать его достаточно внимательно, он неизменно отвечал тому, кто обращался к нему без лжи и высокомерия. Именно поэтому Роз медленно опустилась на колени и осторожно коснулась ладонью холодной земли, словно здоровалась со старым другом, который хранил слишком много чужих тайн, чтобы открывать их первому встречному.

Она закрыла глаза не потому, что собиралась творить заклинание. Настоящая ведьмовская сила никогда не нуждалась в громких словах, сложных жестах или сияющих магических кругах, которыми так любили пугать простолюдинов. Земля жила собственной памятью, не похожей на человеческую, и для того, чтобы услышать ее, требовалось лишь полностью отказаться от собственных мыслей, позволяя чужим воспоминаниям медленно проходить сквозь сознание, подобно воде, текущей между раскрытых ладоней. Роз терпеливо ждала, не торопя ни время, ни магию, прекрасно понимая, что память никогда не открывается по приказу. Она приходит сама, когда убеждается, что тот, кто ищет ответы, действительно готов увидеть правду, какой бы тяжелой она ни оказалась.

Роз долго не убирала ладонь с земли, позволяя чужой памяти самой выбирать, что открыть, а что навсегда оставить

погребенным под слоями времени. Ведьмовская сила никогда не подчинялась человеческому нетерпению, и если попытаться вырвать у нее ответ силой, можно было увидеть лишь отражение собственных страхов, приняв их за истину. Именно поэтому она не вмешивалась в течение магии, а лишь терпеливо вслушивалась в едва различимые колебания, постепенно начинавшие наполнять ее сознание, словно сама земля медленно вспоминала события прошедшего дня.

Сначала не было ничего необычного. Она ощутила тяжелый бег нескольких лошадей, почувствовала запах свежей крови, впитавшейся в влажную почву, различила тревогу, страх, человеческую боль, оставившую после себя едва заметный след, однако все это не выходило за пределы того, что неизбежно остается после любой схватки. Но чем глубже Роз погружалась в память этого места, тем отчетливее понимала, что именно здесь произошло нечто, чего земля прежде никогда не знала. Поток воспоминаний внезапно обрывался, словно невидимая рука вырвала целый кусок привычного течения времени, а затем продолжался вновь, но уже иначе, и этот едва уловимый разрыв ощущался настолько противостоительно, что женщина медленно нахмурилась, не открывая глаз.

Она уже сталкивалась с подобным лишь однажды, настолько давно, что сама убедила себя, будто воспоминания о тех днях давно утратили ясность. Пространство не любит, когда его тревожат. Оно может растянуться, сжаться, подчи-

ниться воле того, кто обладает достаточной силой, однако никогда не забывает прикосновения. Даже спустя годы оно продолжает хранить след того, кто заставил его нарушить собственные законы, и именно этот след сейчас медленно проступал сквозь память земли, становясь все отчетливее с каждым мгновением.

Роз глубже вдохнула холодный ночной воздух, стараясь сохранить спокойствие, хотя сердце уже билось совсем иначе. Она не могла объяснить себе, почему это ощущение вызывает столь сильную тревогу, но какая-то древняя, почти забытая часть ее самой уже узнала силу, которую разум еще только пытался назвать.

Это была не просто магия.

Она слишком хорошо знала обычную человеческую магию, чтобы перепутать ее с чем-то другим.

То, что осталось здесь, несло в себе отпечаток крови.
Древней крови.

Крови, появившейся в мире задолго до рождения первых императоров, задолго до основания Великих Домов, задолго до того, как люди вообще начали делить земли на государства.

Пальцы Роз едва заметно дрогнули.

Она больше не сомневалась.

Эту силу невозможно было перепутать с какой-либо другой, потому что однажды ей уже довелось прикоснуться к ней, и память, которую невозможно обмануть, безошибочно

узнала ее спустя многие десятилетия.

Кровь Турена.

Женщина медленно открыла глаза, однако еще некоторое время продолжала неподвижно стоять на коленях, не замечая ни пронизывающего ветра, ни холодной земли под ладонью. Все, что она так старательно оставляла в прошлом, внезапно перестало быть воспоминанием. Оно вновь стало настоящим, и вместе с этим вернулся страх, который, как ей казалось, давно умер вместе с людьми той эпохи.

До сегодняшней ночи Роз была уверена, что Турен никогда не нарушит собственную клятву и не позволит своей крови вновь вмешаться в судьбу этого мира. Он слишком хорошо понимал, какую цену однажды заплатили все четыре рода за решение бога Синея разделить их навеки, а потому должен был сделать все возможное, чтобы древнее проклятие так и осталось не более чем частью забытой истории. Однако девушка, спавшая сейчас под крышей дома Рион, разрушала эту уверенность одним лишь фактом своего существования, и чем дольше Роз размышляла над этим, тем отчетливее понимала, что случайностью подобное быть не могло.

Если Турен вывел свою дочь из укрытия, значит произошло нечто настолько серьезное, что даже он оказался вынужден нарушить молчание длиной в десятилетия. Но вместе с этой мыслью рождалась другая, куда более страшная, потому что Роз слишком хорошо знала: кровь Турена никогда не появляется там, где ей не суждено изменить судьбу потом-

ков Туфана.

Она медленно поднялась на ноги и долго смотрела в темноту, за которой скрывалась крепость, где сейчас спала девушка, еще не подозревавшая, какую угрозу несет одним лишь своим присутствием. Если Турен действительно привел ее в этот мир, значит он должен был понимать и последствия собственного решения, а если понимал, то обязан был забрать ее раньше, чем станет слишком поздно.

Роз подняла взгляд к темному небу и почти беззвучно произнесла слова, которые были обращены не к ветру и не к ночи, а к тому единственному существу, которое могло услышать их сквозь любое расстояние:

— Турен... забери свою кровь.

Глава 7. Тень за воротами

Турен поднял голову прежде, чем затихло эхо последних слов, сорвавшихся с губ Роз.

Они не прозвучали в его ушах, словно произнесенные человеческим голосом, не нарушили ночную тишину Цитадели и не коснулись воздуха, однако древняя кровь, некогда связывавшая его с сестрой Лиа, откликнулась так внезапно, что на короткое мгновение даже время будто замедлило свой бег. Он уже много десятилетий не ощущал ничего подобного. После смерти сестры эта связь почти исчезла, превратившись в слабое, едва различимое воспоминание, которое напоминало о себе лишь в самые редкие минуты, и потому Турен давно перестал ждать, что однажды она вновь станет настолько сильной, чтобы преодолеть большое расстояние мирами.

Но этой ночью произошло именно это.

Роз узнала.

Он медленно закрыл глаза, позволяя собственному сознанию еще раз коснуться той едва уловимой нити, которая успела раствориться так же неожиданно, как появилась. Слова уже исчезли, однако ощущение тревоги, пришедшее вместе с ними, продолжало жить внутри него, не оставляя ни малейших сомнений в том, что произошло.

Она почувствовала кровь.

Кровь, которую невозможно было спутать ни с какой другой.

Значит, Ирис добралась до дома Рионов.

— Дед?

Голос Алекса заставил Турена открыть глаза.

Наследник Империи стоял в нескольких шагах, не сводя с него внимательного взгляда. За последние дни Алекс почти перестал задавать лишние вопросы, слишком хорошо понимая, что каждое новое известие приносит с собой лишь очередную опасность, однако сейчас даже ему было очевидно, что выражение лица Турена изменилось.

— Что случилось?

Некоторое время Турен молчал. Он подошел к высокому окну, за которым ночное небо медленно начинало светлеть, хотя до рассвета оставалось еще несколько часов, и лишь после этого негромко произнес:

— Нас нашли быстрее, чем я рассчитывал.

Алекс почувствовал, как внутри неприятно похолодело.

— Мир?

— Пока не знаю.

Турен говорил спокойно, но именно это спокойствие тревожило сильнее всего.

— Однако Роз уже поняла, что девушка под ее крышей моей крови.

Алекс резко выдохнул.

— Ирис?! Тогда нужно немедленно ехать.

— Именно это мы и сделаем.

— Сейчас.

Турен отрицательно покачал головой.

— Сейчас мы лишь приведем за собой тех, кто уже идет по нашему следу.

Алекс хотел возразить, но остановился. Он слишком хорошо знал этого человека, чтобы спорить в тот момент, когда решение уже принято. За последние дни, проведенные рядом с Туреном, он видел его разгневанным, усталым, безжалостным, но никогда — нерешительным. Если он говорил ждать, значит видел опасность, которую сам Алекс пока не замечал.

— Ты думаешь, за Ирис уже пришли?

Турен долго смотрел в темноту за окном.

— Я думаю, Мир не настолько глуп, чтобы отказаться от единственной ниточки, способной привести его к законному наследнику престола.

Алекс непроизвольно сжал кулаки.

За последние недели он настолько привык считать себя целью охоты, что мысль об Ирис почти всегда отходила на второй план, однако сейчас, впервые после их разлуки, его захлестнуло чувство вины. Именно из-за него сестра оказалась втянута в войну, о существовании которой еще несколько дней назад даже не подозревала. Она не просила ни титулов, ни власти, ни древних тайн, скрывавшихся за пределами привычного мира, и все же именно ей теперь приходилось

расплачиваться за кровь, текущую в ее жилах.

— Она не умеет защищаться от такого мира, — тихо сказал Алекс. — Для нее все это... чужое.

Турен медленно повернулся к нему.

— Не недооценивай Ирис.

В этих словах не было ни мягкости, ни привычного утешения.

Лишь спокойная уверенность человека, который знал о девушке гораздо больше, чем она сама.

— Она выросла вдали от Империи, но кровь невозможно оставить в другом мире. Иногда человек еще не понимает, кем является, а его природа уже начинает принимать решения за него.

Алекс нахмурился, не до конца понимая смысл услышанного, однако времени на расспросы не осталось. Турен уже направился к двери.

— Собирайся. Мы выезжаем с первыми лучами солнца.

— Почему не сейчас?

— Потому что ночь принадлежит тем, кто умеет прятаться в темноте. Рассвет принадлежит тем, кто выходит встретить врага лицом к лицу.

В это самое время, когда первые полосы холодного света лишь начинали окрашивать вершины далеких гор, родовая крепость Дома Рионов по-прежнему спала.

После ночной прогулки Роз вернулась незадолго до рассвета и, убедившись, что в доме все спокойно, не стала бу-

дить сына. Она прекрасно понимала, что разговор, которого уже невозможно избежать, потребует слишком многих объяснений, а потому решила дожидаться утра, надеясь хотя бы немного привести мысли в порядок. За долгую жизнь ей не раз приходилось принимать тяжелые решения, но сейчас впервые за многие годы она чувствовала странное бессилие перед выбором, который еще даже не был сделан. С одной стороны находилась девушка, не совершившая ничего дурного, с другой — собственная семья, ради которой Роз была готова пожертвовать чем угодно, и именно невозможность найти правильный ответ не позволяла ей сомкнуть глаз.

В северной части внешней стены существовали служебные ворота, которыми днем пользовались обозы с провизией и кузнецы, доставлявшие оружие. После захода солнца их заперщало даже по приказу младших офицеров. Именно к этим воротам и подошел человек с тяжелой связкой ключей. Он нервно оглянулся через плечо, словно опасался, что кто-то наблюдает за ним из темноты. Его дыхание было прерывистым, пальцы заметно дрожали, а по виску медленно скатилась капля холодного пота, хотя ночной воздух оставался прохладным. Он прекрасно понимал, что если хозяева узнают о его поступке, эта ночь станет для него последней, однако страх перед людьми, ожидавшими по другую сторону ограды, оказался сильнее любых угрызений совести.

Тяжелая створка бесшумно приоткрылась ровно настоль-

ко, чтобы внутри могли проскользнуть двое мужчин, закутанных в темные дорожные плащи.

Ни один из них не произнес ни слова.

Лишь когда створка вновь закрылась, высокий мужчина с коротким шрамом на щеке медленно посмотрел на слугу.

— Девушка еще здесь?

Тот торопливо кивнул.

— Да... господин Джексон велел не тревожить ее до утра.

Незнакомец удовлетворенно усмехнулся.

— Значит, нам повезло.

Он сделал шаг вперед, и слуга машинально отступил, не выдержав тяжелого взгляда.

— Помни свое обещание, — дрожащим голосом произнес он. — Вы сказали... никто в доме не пострадает.

Мужчина посмотрел на него с тем равнодушием, которое хуже любой угрозы.

— Если все пройдет тихо, нам нужна только девушка.

Он говорил спокойно, почти лениво, однако именно это спокойствие заставило слугу почувствовать, как внутри все сжалось от дурного предчувствия.

— Она знает, где находится наследник, — продолжил незнакомец, поправляя перчатку. — Мы зададим ей несколько вопросов и уйдем. Для тебя эта ночь закончится так, словно ничего не произошло.

Слуга молча опустил голову.

Он очень хотел поверить этим словам.

Очень хотел убедить себя, что совершает лишь маленькое предательство, которое никому не принесет настоящей беды.

Но где-то глубоко внутри уже понимал, что с той минуты, как он повернул ключ в замке, обратной дороги для него больше не существовало.

Высокий мужчина едва заметно кивнул своему спутнику, и оба бесшумно растворились в темноте сада, оставив перепуганного слугу одного. Тот еще несколько мгновений неподвижно стоял, сжимая в руке тяжелую связку ключей так сильно, что металл впивался в ладонь, а затем поспешно закрыл засов и почти бегом направился к хозяйственным постройкам, стараясь убедить себя, что поступил правильно. Он не был ни убийцей, ни предателем по собственной воле. Полгода назад его маленькая дочь тяжело заболела, и деньги, полученные от незнакомца со шрамом на лице, стали единственной возможностью оплатить лечение. Позже последовали новые встречи, новые просьбы и новые обещания, а потом появился страх, потому что отказаться оказалось уже невозможно. Теперь ему оставалось лишь надеяться, что люди, действительно заберут только незнакомую девушку и исчезнут прежде, чем кто-нибудь успеет понять, каким образом они оказались внутри.

Родовая крепость Рионов пережила три осады, две династические войны и смену четырех императоров. Толстые стены, подземные переходы, запасные лестницы и внутренние галереи создавались не ради удобства, а ради выживания

рода. Незванные гости явно изучили план крепости заранее. Они двигались уверенно, не теряя времени на поиски нужного направления, и лишь изредка останавливались, чтобы прислушаться к тишине, царившей за дверями комнат. Где-то в дальнем крыле негромко посапывали спящие слуги, в кухне лениво потрескивали почти прогоревшие угли, а старые часы в холле размеренно отсчитывали минуты до рассвета, не подозревая, что этой ночью привычное спокойствие дома подходит к концу.

— Не забывай приказ, — едва слышно произнес мужчина со шрамом, когда впереди показалась лестница, ведущая на второй этаж. — Девчонка нужна живой. Если она станет сопротивляться, можешь сломать ей руку, можешь оглушить, но не смей убивать. Мир хочет сначала узнать, где прячется наследник.

Его спутник коротко усмехнулся.

— Если девчонка действительно знает, где искать принца, долго молчать она не станет.

— Все молчат, пока не поймут цену своего упрямства.

Они поднялись по лестнице, ступая так осторожно, что старые деревянные ступени почти не отзывались привычным скрипом. Несколько поворотов, длинный коридор, освещенный одинокой лампой, оставленной на ночь, и наконец дверь, которую им подробно описал слуга. Мужчина остановился, прислушался и удовлетворенно кивнул. За дверью не доносилось ни единого звука.

— Она одна.

Он осторожно нажал на ручку.

Дверь оказалась не заперта.

В комнате было темно. Лишь тонкая полоска лунного света, пробивавшаяся между неплотно задернутыми шторами, ложилась на пол серебристым прямоугольником, выхватывая из темноты край кровати и стоявшее рядом кресло. Девушка спала беспокойно. Ее дыхание то становилось глубже, то вновь сбивалось, словно даже во сне она продолжала убежать от опасности, которая преследовала ее весь последний день.

Высокий мужчина сделал несколько бесшумных шагов вперед, намереваясь зажать ей рот прежде, чем она успеет закричать, однако в ту же секунду Ирис резко распахнула глаза.

Ее разбудил не шум.

Не скрип двери.

Не осторожные шаги.

Что-то внутри, не поддававшееся объяснению, заставило ее проснуться за мгновение до того, как чужая рука коснулась края кровати. Это ощущение было ей незнакомо, но настолько отчетливо кричало об опасности, что тело отреагировало раньше разума.

Ирис резко откатилась в сторону именно в тот момент, когда тяжелая ладонь опустилась на подушку.

— Проснулась... — раздраженно процедил незнакомец.

Она не ответила.

Все произошло слишком быстро, чтобы успеть испугаться. В памяти вспыхнули последние события: бегство, погоня, Алекс, люди, пытавшиеся их убить. Значит, они все-таки нашли ее.

Первый мужчина уже бросился вперед, но Ирис успела схватить с прикроватного столика тяжелую бронзовую лампу и с силой ударила ею по его руке. Раздалось глухое ругательство. Лампа выскользнула из ее пальцев и с громким звоном разбилась о каменный пол.

— Живая оказалась шустрее, чем говорили, — зло бросил второй.

Ирис отступила к окну.

Каждое движение отдавалось болью в боку. Раны, которые еще вечером перевязали, словно вновь начали кровоточить, но сейчас это не имело значения. Она прекрасно понимала, что если позволит схватить себя, второго шанса уже не будет.

— Где наследник? — спокойно спросил мужчина со шрамом, словно они разговаривали за столом, а не среди ночи в чужой спальне. — Ответишь сама — уйдешь отсюда живой.

Ирис молчала. Она не знала, о ком говорят нападающие. Наемник медленно двинулся вперед.

— Мне не хочется делать тебе больно.

— Не ври, — тихо ответила Ирис, не сводя с него глаз. — Хочется.

На лице мужчины появилась холодная улыбка.

— Тогда сама виновата.

Он сделал резкий выпад.

Ирис успела увернуться, однако вторая рука все же схватила ее за плечо. От резкой боли перед глазами вспыхнули искры. Повязка мгновенно пропиталась кровью, дыхание сорвалось, и на короткое мгновение она почувствовала, что ноги перестают ее слушаться.

Но именно в этот миг произошло нечто странное. Совсем не похожее на то, что случалось раньше.

Ей показалось, будто сама комната на одно короткое мгновение перестала быть неподвижной. Воздух вокруг стал тяжелым, плотным, словно перед грозой, а затем незнакомая сила, рожденная не мыслью, не словами и не желанием, а каким-то древним, глубоко спрятанным инстинктом, вырвалась наружу раньше, чем Ирис успела осознать происходящее.

Мужчину словно ударило невидимой волной.

Его буквально отбросило через всю комнату. Он врезался спиной в шкаф с такой силой, что тяжелая мебель содрогнулась, а стоявшие на полках книги и шкатулки градом посыпались на пол.

На несколько секунд наступила полная тишина.

Ирис испуганно смотрела то на лежавшего без движения человека, то на собственные руки.

Она не понимала...

Как это произошло.

Второй наемник оказался удивлен не меньше нее, однако растерянность длилась лишь мгновение. Выругавшись, он выхватил кинжал и шагнул вперед, решив закончить дело прежде, чем девушка успеет повторить случившееся.

Именно в этот момент где-то за дверью послышались стремительные шаги.

Мужчина резко обернулся.

Ручка двери дернулась вниз.

И тяжелая дубовая створка с силой распахнулась.

Глава 8. Кровь просыпается

Дверь с такой силой ударилась о каменную стену, что тяжелые дубовые створки жалобно застонали на кованых петлях.

На пороге стоял Джексон.

Ему хватило одного взгляда, чтобы понять происходящее.

Комната, в которой он оставил гостью всего несколько часов назад, больше походила на место недавней схватки. По полу были разбросаны книги, разбитая лампа еще дымилась, пахло горячим маслом и кровью, один незнакомец неподвижно лежал возле опрокинутого шкафа, а второй медленно приближался к Ирис, сжимая в руке длинный кинжал. Сама девушка стояла, тяжело опираясь спиной о стену возле окна. Белая повязка, которую вечером перевязал лекарь, уже полностью пропиталась алыми пятнами, а лицо стало настолько бледным, что казалось почти прозрачным в тусклом предрассветном свете.

Что произошло здесь до его появления, Джексон не знал. Но выяснять это сейчас не собирался.

— Отойди от нее.

Его голос прозвучал негромко, однако в нем было столько ледяного спокойствия, что даже наемник невольно замер, оценивая нового противника. Лишь на одно короткое мгновение.

— Значит, хозяин дома все-таки проснулся, — усмехнулся мужчина, медленно разворачиваясь к двери. — Поздно-вато.

Джексон не ответил.

Вместо этого он неторопливо вошел в комнату и прикрыл за собой дверь, отрезая незванным гостям единственный путь к отступлению. Движения его были удивительно спокойными, почти ленивыми, словно происходящее не представляло для него ничего необычного, однако Ирис неожиданно поймала себя на мысли, что именно это спокойствие пугает сильнее всего. Она уже видела людей, охваченных яростью, паникой или страхом, но человек, который входил в драку с таким выражением лица, будто собирался закончить давно начатое дело, внушал совершенно иной ужас.

Наемник почувствовал это не хуже нее. Он слегка изменил стойку, сместив вес тела на заднюю ногу.

— Не вмешивайся, — произнес он. — Нам нужна только девчонка.

— Ошибся домом.

— Нам не нужен конфликт с Рионами.

— Уже нужен.

Последнее слово прозвучало почти равнодушно.

И в следующую секунду Джексон исчез.

Ирис даже не успела заметить, как он преодолел разделявшее их расстояние. Лишь увидела стремительное движение, блеск стали и услышала короткий звон столкнувшихся клин-

ков. Наемник оказался достаточно опытен, чтобы инстинктивно принять удар, однако сила, с которой на него обрушился противник, заставила его отступить сразу на несколько шагов.

Второй мужчина, тот самый, которого несколько мгновений назад отбросила неизвестная сила, уже приходил в себя. Опираясь ладонью о стену, он с трудом поднялся на ноги, мотнул головой, словно пытаясь избавиться от звона в ушах, и, заметив происходящее, мгновенно выхватил собственный меч.

Теперь их было двое. Джексон лишь мельком скользнул по нему взглядом.

— Значит, решили умереть вместе.

Первым атаковал человек со шрамом. Он прекрасно понимал, что затяжной бой неизбежно поднимет на ноги всю родовую крепость Рионов, а потому действовал быстро и жестко, рассчитывая прорваться к двери или хотя бы выиграть несколько мгновений. Его спутник одновременно ударил с другой стороны, надеясь заставить хозяина дома защищаться сразу от двух противников.

Расчет оказался верным. Но лишь отчасти.

Джексон действительно оказался между двумя клинками, однако вместо того чтобы отступить, неожиданно шагнул вперед, словно сам искал более тесного боя. Его меч описал короткую дугу, отбивая первый удар, затем рукоять с глухим стуком врезалась одному из наемников в переносицу, а сво-

бодной рукой он резко толкнул второго в грудь. Тот не удержался на ногах, врезался спиной в тяжелый письменный стол и, опрокинув его вместе со свитками и чернильницей, едва успел увернуться от следующего удара.

Ирис понимала, что должна воспользоваться этим моментом.

Пока внимание обоих противников было приковано к Джексону, у нее появился единственный шанс выбраться из комнаты и поднять тревогу. Она сделала шаг к двери, но резкая боль в боку заставила ее невольно остановиться. Перед глазами потемнело. Стало трудно дышать.

Она машинально прижала ладонь к повязке и почувствовала под пальцами теплую кровь.

Рана открылась. Ее качнуло. Этого короткого мгновения оказалось достаточно.

Человек со шрамом, заметив движение девушки, мгновенно отказался от схватки с Джексонем и резко метнулся к ней. Он понимал, зачем пришел сюда, и не собирался возвращаться к Миру с пустыми руками.

Джексон успел увидеть этот рывок.

— Беги!

Но расстояние оказалось слишком большим.

Наемник уже почти дотянулся до ее плеча, когда Ирис, не имея ни сил, ни времени на раздумья, схватила первое, что попало под руку. Ею оказался тяжелый деревянный стул, стоявший возле небольшого столика.

Она вложила в этот бросок все оставшиеся силы. Стул с грохотом полетел через комнату.

Наемник легко отбил его клинком, однако несколько драгоценных мгновений были выиграны.

Этого оказалось достаточно, чтобы Джексон вновь оказался между ними.

Сталь вновь столкнулась со сталью, осыпав комнату дождем ярких искр. Удар был настолько сильным, что кисть наемника дрогнула, а клинок едва не выскользнул из руки. Не давая противнику ни единого шанса вернуть равновесие, Джексон нанес второй удар, затем третий, вынуждая того пятиться к распахнутому окну.

Второй убийца, окончательно оправившись после странного удара, отбросившего его через всю комнату, бросился на помощь товарищу.

Теперь они атаковали одновременно.

Один пытался связать Джексона боем, другой искал возможность обойти его сбоку и вновь добраться до девушки.

Она понимала это не хуже их.

Несмотря на боль, все сильнее расплзавшуюся по всему телу, девушка заставила себя сделать несколько шагов назад. Каждый вдох отдавался жгучей резью в бок. Перед глазами начинали плавать темные круги, ноги становились ватными, но она стиснула зубы, не позволяя себе потерять сознание.

Сейчас нельзя. Только не сейчас. Если она упадет, этот человек останется один против двоих. Она не знала его. Не

знала, почему он вообще бросился защищать совершенно незнакомую девушку. Но позволить ему погибнуть из-за себя не могла.

Ее взгляд метнулся по комнате, отчаянно выискивая хоть что-нибудь, что можно использовать вместо оружия. Под руку попался тяжелый бронзовый подсвечник.

Она подняла его обеими руками, однако едва успела сделать шаг вперед, как один из наемников резко развернулся, угадав ее намерение.

— Стоять!

Он взмахнул рукой.

Кинжал сорвался с его пальцев быстрее, чем девушка успела понять, что происходит.

Она инстинктивно попыталась уклониться.

Лезвие лишь вскользь задело плечо, но этого оказалось достаточно, чтобы свежая боль вспыхнула с новой силой. Подсвечник выскользнул из ослабевших рук и тяжело ударился о каменный пол.

Наемник уже бросился к ней. Джексон успел перехватить его буквально в последний момент.

Удар.

Еще один.

Третий.

Противники дрались молча, сосредоточенно, без лишних слов, словно каждый прекрасно понимал цену любого неверного движения. Девушка никогда прежде не видела подоб-

ного боя. Все происходило настолько быстро, что взгляд едва успевал различать отдельные движения. Клинки сталкивались с сухим звоном, отражавшимся от каменных стен, люди непрерывно меняли позиции, мебель разлеталась в стороны, тяжелый стол перевернулся набок, а осколки стекла, вылетевшие из разбитого окна, с тихим звоном осыпались во внутренний двор родовой крепости.

И именно в это мгновение один из наемников, понимая, что победить хозяина дома честным боем не удастся, резко изменил направление атаки.

Он даже не пытался достать Джексона. Вместо этого стремительно бросился к девушке, собираясь использовать ее как живой щит.

Джексон заметил маневр слишком поздно. Он успел лишь резко развернуться.

— Берегись!

Девушка тоже увидела приближавшегося убийцу.

Она попыталась отступить, однако ноги неожиданно подкосились. Перед глазами все поплыло, а раненое плечо и бок словно одновременно вспыхнули огнем.

Наемник уже протянул руку, собираясь схватить ее за волосы.

И в тот же миг воздух вокруг девушки вновь изменился. Неуловимо. Почти незаметно.

Будто сама реальность на одно короткое мгновение задержала дыхание. Девушка почувствовала, как внутри, там,

где еще секунду назад оставались лишь страх, боль и отчаяние, просыпается нечто древнее и совершенно ей незнакомое, словно кровь, долгие годы молчавшая в глубине ее существа, наконец вспомнила, кем она была.

Она не произнесла ни слова. Не сделала ни единого осознанного движения. Но невидимая сила вновь вырвалась наружу.

Наемника с такой мощью отбросило через всю комнату, что он, словно тряпичная кукла, пролетел несколько метров и, пробив собственным телом деревянную дверь, исчез в коридоре.

На несколько мгновений наступила такая тишина, что было слышно лишь тяжелое дыхание троих оставшихся в комнате людей.

Джексон медленно повернул голову.

Его взгляд остановился на девушке.

Она стояла, смертельно побледнев, так же растерянno глядя на собственные руки, словно сама не понимала, что только что произошло. Именно в этот миг он впервые осознал, что перед ним находится вовсе не обычная беглянка, случайно оказавшаяся под крышей Дома Рионов.

Джексон еще несколько мгновений продолжал смотреть на проломленную дверь, за которой затихали стоны отброшенного наемника, затем медленно перевел взгляд на девушку.

Она стояла, едва удерживаясь на ногах.

Лицо стало белее полотна, дыхание срывалось, по рукаву тонкой струйкой стекала кровь, а в глазах застыло такое искреннее недоумение, словно она сама не понимала, каким образом человек, только что пытавшийся схватить ее, оказался выброшен из комнаты невидимой силой.

Джексон за свою жизнь видел многое. Войну. Магов. Колдунов. Людей, владевших древними артефактами. Но подобного — никогда. Ни один человек не был способен отбросить взрослого мужчину одним лишь... желанием.

Он медленно сделал шаг вперед.

— Кто... ты такая?

Девушка несколько секунд молча смотрела на него, словно вопрос оказался неожиданно сложным.

Затем едва заметно улыбнулась. Совсем чуть-чуть. Усталой, какой-то виноватой улыбкой.

— Я... Ирис...

Она произнесла имя почти шепотом, после чего попыталась сделать еще один вдох. Получилось плохо.

— И... если честно... — уголки ее губ дрогнули. — Со мной... опасно...

Джексон непонимающе нахмурился.

— Что?

Она посмотрела ему прямо в глаза. Несмотря на смертельную усталость, в них неожиданно мелькнуло озорство, совершенно неуместное после всего, что произошло.

— Не каждый... мужчина... выдержит...

Договорив, она словно окончательно лишилась последних сил. Колени подогнулись. Джексон успел подхватить ее прежде, чем она ударилась о каменный пол.

— Ирис!

Ответа не последовало. Она уже была без сознания.

От автора

Кажется, Ирис только что доказала, что «обычная девушка из другого мира» — очень временное определение ##

Если история уже успела вас зацепить, буду очень благодарна за # книге. Для автора это лучший знак, что за Ирис, Джексон и всеми тайнами их крови хочется идти дальше.

А как думаете вы: Ирис сейчас должна больше бояться тех, кто на неё охотится, или силы, которая начинает просыпаться в ней самой? ##

Глава 9. Цена спасения

Рассвет окончательно вступил в свои права.

Холодный рассвет медленно заливал внутренний двор родовой крепости Рионов, серебря камень башен и зубцы крепостных стен, однако привычного спокойствия, сопровождавшего наступление нового дня, сегодня не ощущалось. Всего несколько часов назад двое вооруженных людей, воспользовавшись помощью предателя, сумели незаметно проникнуть внутрь крепости и добрались до гостевого крыла, где находилась раненая незнакомка. Нападение удалось остановить прежде, чем оно успело перерасти в настоящую катастрофу, однако сам факт случившегося оказался настолько невероятным, что вся крепость уже стояла на ногах.

Впервые за многие годы чужаки сумели проникнуть в самое сердце родовой крепости Рионов. Само по себе это было преступлением, за которое в Империи расплачивались целыми семьями.

Но еще страшнее оказалось другое. Предатель нашелся среди тех, кому доверили охранять крепостные ворота.

Когда изменника привели во внутренний двор, он уже не пытался оправдываться. Лицо его было серым, руки дрожали, а взгляд беспокойно метался по сторонам, словно он до сих пор надеялся увидеть путь к спасению, которого больше не существовало.

Джексон даже не посмотрел в его сторону.

— Передайте его капитану стражи, — спокойно произнес он, застегивая кожаные наручи. — Пусть выяснит имена всех, кто был с ним связан. Если в крепости есть хотя бы еще один человек, связанный с теми, кто проник ночью за стены, я хочу знать об этом до заката.

— Да, господин.

Предателя увели. Никаких просьб о пощаде Джексон уже не услышал. Да и слушать не собирался.

Великие Дома держались не только на силе мечей, но прежде всего на верности людей. Любая измена, оставленная без наказания, становилась приглашением для следующей, а потому в подобных случаях милосердие приносило куда больше смертей, чем самая суровая казнь.

Проводив взглядом исчезнувшую процессию, Джексон неторопливо направился к старой башне, располагавшейся у северной стены крепости.

Именно там, глубоко под землей, находились тюремные камеры, которыми Рионы пользовались редко. За последние годы их почти не приходилось открывать. Большинство споров между Великими Домами давно решалось при дворе Императора, а разбойники предпочитали обходить владения Рионов стороной, слишком хорошо понимая, чем заканчиваются подобные встречи.

Сегодня подземелье вновь оказалось востребовано. Два человека, проникшие ночью в крепость, сидели в соседних

камерах. Тот, которого странная сила девушки отбросила через дверь, пришел в себя лишь несколько минут назад. Лекарь перевязал ему разбитую голову лишь затем, чтобы пленник не умер раньше времени.

Джексон не любил бессмысленной жестокости. Мертвые отвечали хуже живых. Тяжелая железная дверь со скрипом распахнулась. Влажный холод подземелья сразу ударил в лицо. Начальник тюрьмы молча поклонился.

— Говорили?

— Нет, господин.

— Пытались?

— До вашего приказа — нет.

Джексон едва заметно кивнул. Именно так и должно было быть. Некоторые вопросы хозяин Дома предпочитал задавать лично. Он медленно вошел в камеру. Наемник сидел у стены, опираясь плечом на грубо сложенную кладку. Услышав шаги, он поднял голову и криво усмехнулся, хотя разбитые губы тут же напомнили о себе тонкой струйкой крови.

— Не ожидал, что сам хозяин дома почтит меня визитом.

Джексон остановился в нескольких шагах.

— Мне нужен не ты.

Наемник вопросительно поднял бровь.

— Мне нужны ответы.

— Тогда придется поискать кого-нибудь разговорчивее.

Улыбка стала шире. Он явно рассчитывал вывести хозяина крепости из равновесия. Напрасно. Джексон спокойно

снял с рук перчатки и положил их на стоявший у стены деревянный стол. Затем так же неторопливо вынул кинжал из ножен и, не сводя взгляда с пленника, провел большим пальцем по идеально заточенному лезвию, словно проверяя его остроту.

— Знаешь, в чем разница между наемником и человеком, который служит своему Дому?

Пленник промолчал.

— Первый продает молчание за деньги. Второй хранит его ради чести.

Он сделал еще один шаг.

— Проблема лишь в том, что цену можно назначить не только за слова.

Впервые за все время на лице пленника мелькнула тень настороженности. Он понял, что перед ним вовсе не вспыльчивый молодой аристократ, которого можно вывести из себя несколькими колкостями. Перед ним стоял человек, привыкший принимать тяжелые решения собственными руками.

— Кто вас послал?

— Не знаю.

Кулак Джексона ударил его раньше, чем последнее слово успело раствориться в холодном воздухе камеры. Наемник вместе со стулом рухнул на каменный пол. Не давая ему подняться, Джексон спокойно присел рядом.

— Попробуем еще раз.

В его голосе не было ни злости, ни раздражения. Лишь

холодная уверенность человека, который готов потратить столько времени, сколько потребуется.

— Кто. Вас. Послал?

На этот раз пленник не торопился отвечать. Он медленно стер кровь с подбородка, поднял тяжелый взгляд и неожиданно усмехнулся.

— Даже если скажу... тебе это уже не поможет.

Джексон выдержал его взгляд.

— Значит, все-таки скажешь. Осталось решить, сейчас или через несколько часов.

Он поднялся на ноги и негромко приказал начальнику тюрьмы:

— Приведите второго.

Если первый еще надеялся выдержать допрос, то второй, увидев, как его товарища вытаскивают из камеры с окровавленным лицом, должен был понять простую истину. Эта крепость принадлежала Рионам. И сегодня здесь правила были только их.

Появление второго пленника произвело именно тот эффект, на который рассчитывал Джексон. Мужчину втолкнули в камеру без особой церемонии, и он, потеряв равновесие, тяжело ударился коленом о каменный пол, однако подняться ему позволили не сразу. Один из стражников удерживал его за плечо до тех пор, пока хозяин крепости не сделал едва заметный знак отпустить пленника, и только тогда наемник медленно выпрямился, исподлобья оглядывая помеще-

ние, товарища, сидевшего у стены с разбитым лицом, и самого Джексона, который по-прежнему сохранял удивительное спокойствие, совершенно не вязавшееся с тем, что здесь происходило.

В тесной камере повисла тяжелая тишина. Сквозь узкое зарешеченное окно, прорубленное почти под самым сводом, пробивался бледный утренний свет, смешиваясь с дрожащим пламенем факелов, и в этом неровном освещении лица людей казались еще более суровыми.

— Узнаешь его? — негромко спросил Джексон, обращаясь к вновь приведенному пленнику.

Тот бросил короткий взгляд на своего сообщника и молча отвернулся.

— Хорошо, — столь же спокойно произнес хозяин Дома Рионов. — Значит, разговаривать будем по очереди.

Он неторопливо прошелся вдоль стены, словно вовсе не ожидал немедленного ответа. Казалось, его занимали какие-то собственные мысли, однако оба пленника уже понимали, что это впечатление обманчиво. Такие люди не повышали голос, не размахивали оружием и не срывались в бессмысленную ярость. Они просто двигались к цели с тем холодным терпением, которое со временем ломало даже самых упрямых.

— Вы пришли за девушкой, — произнес Джексон, остановившись напротив них. — Не за деньгами, не за документами, не за кем-либо из моего Дома. Именно за ней. Следо-

вательно, вы знали, кто она такая.

Никто не ответил.

— Значит, знали.

Он произнес это почти как вывод, сделанный для самого себя, после чего перевел взгляд на первого пленника.

— Ради этой девушки вы рискнули проникнуть в родовую крепость Великого Дома. Человек, который отправил вас, прекрасно понимал, чем это закончится, если вы потерпите неудачу. Значит, добыча стоила риска. Кто вас послал?

Наемник усмехнулся, хотя уверенности в этой усмешке уже не осталось.

— Ты слишком много думаешь.

— Напротив, — спокойно возразил Джексон. — Именно поэтому ты до сих пор жив.

Он подошел совсем близко, так что между ними оставалось не больше шага, и некоторое время просто смотрел пленнику в глаза. Молчание затягивалось, превращаясь в отдельную пытку. Люди, привыкшие к боли, нередко выдерживали удары, но ожидание следующего удара переносили куда хуже.

Именно поэтому первым заговорил второй.

— Если мы расскажем...

Его товарищ резко повернул голову.

— Замолчи!

Однако было уже поздно. Джексон медленно перевел взгляд на того, кто нарушил молчание.

— Продолжай.

Наемник несколько мгновений колебался. Было видно, как внутри него сталкиваются страх перед хозяином крепости и страх перед теми, кто послал их на это задание, и чем дольше длилась эта борьба, тем очевиднее становилось, что выбор уже сделан.

— Девчонка... действительно была главной целью.

Он тяжело сглотнул.

— Но не единственной.

Впервые за весь разговор Джексон едва заметно изменился в лице. Совсем немного. Настолько, что посторонний человек, вероятно, ничего бы не заметил, однако начальник тюрьмы, знавший своего господина не первый год, понял: сейчас прозвучит что-то действительно важное.

Пленник медлил.

— Она путешествовала не одна, ... с сыном Императора.

В камере вновь стало тихо. Даже факел, потрескивавший у стены, казалось, начал гореть осторожнее. Джексон не перебил его.

— Продолжай.

— Нам сказали, что юношу необходимо убить любой ценой, если представится возможность. Девушку, наоборот, приказано было доставить живой. Если захватить не получится... тогда разрешалось избавиться и от нее.

— Почему?

Наемник медленно поднял голову.

— Потому что этот юноша... законный наследник престола.

— Кто вас послал?

— Мир.

Джексон медленно выпрямился. На его лице не дрогнул ни один мускул, однако именно это спокойствие было опаснее любой вспышки ярости. Мир. Брат покойного Императора. Человек, входивший в Совет Великих Домов и приносивший ту же клятву хранить мир внутри Империи, что и остальные главы древних родов. Если сказанное пленником было правдой, этой ночью он переступил черту, которую никто не смел переступать уже многие десятилетия, приказав вооруженным людям тайно проникнуть в родовую крепость другого Великого Дома.

Джексон не произнес больше ни слова.

Он лишь очень медленно отвернулся и несколько секунд смотрел на каменную стену, пытаясь выстроить в единую картину все события последних суток. Девушка, появившаяся словно из ниоткуда, человек, которого она искала с таким отчаянием, ночное нападение на родовую крепость, странная сила, отбросившая взрослого мужчину через дубовую дверь, и, наконец, имя Мира, прозвучавшее теперь уже не как догадка, а как установленный факт, — все это складывалось в столь опасную комбинацию, что становилось совершенно очевидно: под крышей Дома Рионов оказались не случайные беглецы, а люди, вокруг которых уже начинала закру-

чиваться борьба за императорский трон. И если хотя бы половина сказанного пленником соответствовала действительности, то этой ночью Мир решился не просто на покушение, а сделал первый открытый шаг к гражданской войне.

Глава 10. Незнакомка под защитой

Утро окончательно вытеснило тревожную темноту ночи, однако в восточном крыле родовой крепости Рионов по-прежнему царила тишина, которую никто не решался нарушать громкими голосами или поспешными шагами. Слуги, обычно оживлявшие длинные галереи еще до рассвета, теперь двигались почти бесшумно, словно сама крепость, пережившая дерзкое вторжение, продолжала прислушиваться к каждому шороху, опасаясь, что за ним вновь может скрываться опасность.

В комнате, окна которой выходили на внутренний сад, пахло лекарственными травами, теплым молоком и дымом от медленно тлевших в бронзовой жаровне целебных смол. Узкие полосы солнечного света скользили по белому покрывалу, освещая неподвижное лицо девушки, которая уже несколько часов не приходила в сознание, хотя лихорадочный жар наконец начал отступать.

Роз осторожно убрала со лба Ирис влажную ткань, снова смочила ее в настое и, едва касаясь кожи, приложила обратно. За свою долгую жизнь ей доводилось лечить тяжелейшие ранения, возвращать к жизни людей, которых лекари давно сочли обреченными, принимать роды во время зимних бурь и выхаживать детей, переживших смертельные болезни, однако сейчас она чувствовала себя удивительно бес-

помощной.

Тело девушки постепенно восстанавливало силы. Раны затягивались гораздо быстрее, чем должны были. Дыхание становилось ровнее. Но сама она будто не желала возвращаться. Словно что-то удерживало ее там, в мире тревожных снов.

Роз медленно провела ладонью над ее грудью, позволяя собственной магии осторожно коснуться жизненных потоков, скрытых внутри человеческого тела, и почти сразу нахмурилась. Сила Ирис отзывалась необычно, совсем не так, как отзывалась магия других людей. Она не сопротивлялась, не стремилась вытеснить чужое воздействие, а, напротив, будто узнавая прикосновение, сама тянулась навстречу, заставляя теплые золотистые искры плавно скользить по воздуху.

— Кто же ты такая?... — почти неслышно прошептала Роз.

Ответа, разумеется, не последовало. Лишь тонкие ресницы девушки едва заметно дрогнули. Старуха прикрыла глаза. Это ощущение не покидало ее с самой ночи.

Стоило приблизиться к незнакомке, как сердце начинало странно сжиматься, а где-то глубоко внутри, там, куда не могли добраться ни разум, ни память, рождалось чувство, которого она не испытывала уже очень много лет. Оно было удивительно знакомым и одновременно совершенно необъяснимым, словно сама кровь, текущая в жилах этой девушки, без слов рассказывала историю, которую давно следовало забыть.

Роз не понимала, почему ей так трудно отойти от кровати. Не понимала, почему всякий раз, собираясь выйти хотя бы на несколько минут, она испытывала почти физическое беспокойство. Не понимала... И все же уходила лишь тогда, когда была абсолютно уверена, что рядом останется кто-то, кому она могла доверить жизнь этой девушки.

Тяжелая дверь тихо открылась.

— Роз.

Она обернулась. На пороге стоял Джексон. Он выглядел усталым, хотя ни словом, ни жестом не позволял себе этого показать. После бессонной ночи, допроса пленников и нескольких часов, проведенных вместе с капитаном внутренней стражи, он должен был отправиться отдыхать, однако вместо собственных покоев снова пришел сюда.

— Как она? — негромко спросил он.

Роз покачала головой.

— Лучше... и хуже одновременно.

Джексон вопросительно посмотрел на нее.

— Ее тело поправляется быстрее, чем я могла надеяться, но сознание будто не желает возвращаться. Иногда мне кажется, что она слышит нас. Иногда — что находится так далеко, куда не способна дотянуться даже магия.

Он приблизился к кровати. Некоторое время молча смотрел на спокойное лицо девушки, пытаясь найти в нем хотя бы намек на ту яростную силу, которая ночью одним движением отбросила взрослого вооруженного мужчину через всю

комнату, однако теперь перед ним лежала всего лишь хрупкая молодая женщина, казавшаяся почти ребенком на фоне огромной кровати. Трудно было поверить, что именно она сумела остановить убийцу. Еще труднее — что ради нее брат покойного Императора рискнул нарушить древние законы, защищавшие Великие Дома друг от друга.

— Допрос закончился? — тихо спросила Роз.

— Да.

— Они заговорили?

— Заговорили.

Роз внимательно посмотрела на сына. За годы она научилась понимать его молчание ничуть не хуже слов.

— Все настолько плохо?

Джексон медленно выдохнул.

— Хуже, чем я предполагал.

Он не стал рассказывать подробностей. Пока не стал. Даже здесь, рядом с девушкой, которую неизвестные готовы были убить любой ценой, ему не хотелось вслух произносить имя человека, отдавшего этот приказ. Казалось, вместе с этим именем сама комната станет холоднее. Роз не стала настаивать. Она понимала: если Джексон молчит, значит, сначала должен все обдумать сам. Несколько мгновений они просто стояли рядом, слушая ровное дыхание спящей девушки. Потом Роз неожиданно улыбнулась.

— Кажется, она скоро проснется.

— Почему ты так решила?

— Потому что впервые за ночь ее сон стал спокойным.

Джексон удивленно посмотрел на Ирис. И действительно. Исчезла напряженная складка между бровями. Дыхание стало глубже. Даже пальцы, до этого крепко сжимавшие край покрывала, наконец расслабились. Роз неторопливо поднялась, взяла со стола глиняный кувшин и, заметив, что настой почти закончился, тихо произнесла, скорее обращаясь к самой себе, чем к сыну:

— Я приготовлю свежий. К вечеру ей понадобится еще одна порция.

Джексон молча кивнул.

Когда дверь за матерью закрылась, комната погрузилась в ту особенную тишину, которая рождается лишь в домах, переживших тяжелую ночь. За окном едва слышно шелестели листья старых лип, где-то далеко на внутреннем дворе раздавался приглушенный звон оружия — капитан продолжал проверять смены караула, — однако сюда эти звуки доходили уже ослабевшими, словно сама крепость берегла покой девушки, ставшей причиной стольких бед.

Некоторое время Джексон стоял у окна, задумчиво глядя на освещенный солнцем двор. Мысли возвращались к словам пленников, складываясь в тревожную картину, которая нравилась ему все меньше. Если они не солгали, Империя уже стояла на пороге потрясений, а он, сам того не желая, оказался втянут в события, способные изменить судьбу Великих Домов.

Ему следовало думать именно об этом. О Совете. О Мире. О наследнике престола. О людях, которым еще предстояло ответить за ночное вторжение. И все же всякий раз, когда он пытался сосредоточиться на предстоящих решениях, взгляд словно помимо воли возвращался к девушке, неподвижно лежавшей на кровати.

Это раздражало. Прежде с ним никогда не случалось ничего подобного. За свою жизнь Джексон видел немало раненых. Солдаты, охотники, слуги, случайные путники — каждому из них он оказывал помощь, если того требовал долг хозяина Дома, однако никогда не испытывал желания оставаться рядом дольше, чем того требовали обстоятельства. Сейчас же он не мог заставить себя уйти, хотя прекрасно понимал, что его присутствие ничего не меняет.

Он медленно подошел к кровати и опустился в кресло, стоявшее рядом.

Лицо девушки уже не казалось таким бледным, как ночью. Лихорадочный румянец почти исчез, дыхание стало ровным и глубоким, однако спокойствие оказалось обманчивым. Не прошло и минуты, как тонкие пальцы вновь беспокойно сжали край покрывала, а между бровями появилась едва заметная морщинка, будто во сне она снова переживала нечто страшное, от чего никак не могла убежать.

Джексон невольно нахмурился. Он видел подобное у людей, вернувшихся с войны. Так спали те, кто слишком долго жил рядом со смертью. Не отдавая себе отчета в собственных

действиях, он осторожно коснулся ее руки, желая лишь разжать побелевшие от напряжения пальцы. Едва его ладонь накрыла холодную ладонь девушки, как произошло нечто совершенно необъяснимое.

Напряжение исчезло. Пальцы медленно расслабились. Морщинка между бровями разгладилась так же естественно, словно ее никогда и не существовало, а дыхание стало еще спокойнее, глубже, размереннее, и на лице Ирис впервые с момента ее появления в крепости появилось выражение безмятежного покоя.

Джексон замер. Несколько долгих секунд он просто смотрел на девушку, пытаясь найти хоть какое-нибудь разумное объяснение увиденному. Совпадение. Не более. Именно так он сказал себе. Очень осторожно убрав руку, он уже собирался подняться, однако почти сразу заметил, как ресницы Ирис дрогнули, дыхание вновь стало прерывистым, а пальцы медленно, будто борясь с невидимым кошмаром, снова начали судорожно сжиматься.

Он раздраженно выдохнул.

— Невозможно...

Почти сердясь на самого себя, Джексон вновь коснулся ее ладони. И все повторилось. Словно достаточно было одного этого прикосновения, чтобы все страхи, преследовавшие девушку даже во сне, отступили. Он больше не пытался искать объяснений. Лишь молча сидел рядом, продолжая держать ее за руку, и впервые за много лет поймал себя на мысли, что

ему совершенно безразлично, сколько времени пройдет, если ценой этого спокойствия окажется необходимость просидеть здесь до самого вечера. Эта мысль возникла настолько естественно, что лишь спустя несколько мгновений он осознал ее смысл.

Почему? Почему судьба совершенно незнакомой девушки вдруг начала волновать его сильнее, чем следовало? Почему, едва представив, что он мог опоздать ночью всего на несколько мгновений и сейчас эта кровать оказалась бы пустой, он почувствовал не холодное удовлетворение от успешно отраженного нападения, а глухую, почти звериную ярость?

Ответа не было. Именно в эту минуту дверь тихо приоткрылась. Роз остановилась на пороге так резко, словно невидимая рука удержала ее за плечо. Ее взгляд сразу упал на сцепленные ладони, и сердце болезненно сжалось. Джексон, никогда прежде не позволявший чувствам брать верх над долгом, сидел возле кровати совершенно неподвижно, даже не замечая, что продолжает держать руку незнакомой девушки, а та, еще несколько мгновений назад метавшаяся в беспокойном сне, теперь дышала спокойно и ровно, будто именно это прикосновение сумело прогнать преследовавшие ее кошмары. Со стороны картина казалась почти мирной, однако Роз почувствовала не облегчение, а страх. Она слишком хорошо помнила истории, которые предпочитали не рассказывать вслух, слишком хорошо знала, какую цену иногда при-

ходилось платить людям, оказавшимся рядом с потомками Турена, и потому впервые за долгие годы поймала себя на мысли, что ей хочется немедленно разнять их руки, пока эта странная, необъяснимая связь не успела пустить корни.

«Только не он...» — промелькнуло у нее в голове с такой силой, что Роз невольно прикрыла глаза. Она любила сына слишком сильно, чтобы спокойно смотреть, как сама судьба, воспользовавшись случайной встречей, начинает медленно вплетать его в историю, к которой он не имел никакого отношения и которая уже однажды едва не уничтожила тех, в чьих жилах текла кровь Синей.

Она ничего не сказала. В тот же миг в дверь осторожно постучали. На пороге появился капитан внутренней стражи. По одному его лицу Джексон понял, что произошло нечто важное.

— Господин... госпожа Роз, — произнес он, переводя взгляд с одного на другую. — К северным воротам только что прибыл небольшой вооруженный отряд.

Джексон медленно поднялся.

— Чьи знамена?

— Никаких.

— Гербы?

Капитан покачал головой.

— Тоже нет. Они словно специально скрыли принадлежность к любому Дому.

Это насторожило Джексона еще сильнее.

— Сколько человек?

— Около десятка.

— Чего они хотят?

— Их предводитель требует встречи только с госпожой Роз. Он отказался назвать свое имя, сказав лишь, что разговор предназначен исключительно для нее.

В комнате воцарилось молчание. Роз медленно поставила чашу обратно на поднос, и выражение ее лица стало очень серьезным.

— Что-нибудь еще? — спокойно спросила она.

Капитан ненадолго замялся.

— Да... Перед тем как я ушел, предводитель велел передать вам одну фразу.

— Какую?

— «Скажите Роз... Турен пришел за своей кровью».

Чаша выскользнула из рук женщины и с глухим звоном разбилась о каменный пол.

Глава 11. Кровь богов

Ночь окончательно вступила в свои права, укрыв старую крепость густой мглой, из которой торчали лишь обломки сторожевых башен, похожие на кости исполинского зверя, давно погибшего, но так и не преданного земле. Ветер беспрепятственно гулял между полуразрушенными стенами, проникая в каждую щель, раскачивая проржавевшие цепи и заставляя факелы вспыхивать неровным, тревожным светом.

Когда-то здесь проходила граница между землями, принадлежавшими первым Императорам. Теперь же сюда не заглядывали ни солдаты, ни купцы, ни охотники. Люди верили, что крепость проклята, а потому предпочитали обходить ее стороной, даже если путь удлинялся на несколько дней.

Именно поэтому Родер выбрал ее своим убежищем.

Под сводами бывшего тронного зала, давно лишившегося крыши, на древних плитах был начертан сложный магический круг. Серебристый порошок, смешанный с кровью редких существ, медленно тлел, словно под ним скрывались раскаленные угли, а сотни переплетенных символов, знакомых лишь посвященным, постепенно складывались в узор, который существовал задолго до появления Империи.

Двое магов одновременно опустили руки. Последняя искра сорвалась с их пальцев и растворилась в воздухе. Сияние

круга начало угасать. Некоторое время никто не произносил ни слова. Даже ветер словно затих, уступая место тяжело-му ожиданию. Родер медленно поднялся с каменного кресла. Он не спешил подходить ближе, будто заранее понимал, что услышит, и теперь давал магам возможность самим нарушить молчание.

Первым заговорил старший.

— Проклятие больше не скрывает кровь так, как прежде.

Родер остановился возле круга.

— Значит, легенды не лгали.

— Нет, господин.

Маг говорил спокойно, но скрыть волнение не мог.

— До сегодняшнего дня кровь потомков Туфана была для нас невидима. Мы знали, что она существует, но ощущали лишь пустоту, словно древняя сила была заперта за непроницаемой стеной. Теперь эта стена исчезла.

Он коснулся ладонью серебристой линии. По кругу прошла едва заметная золотистая рябь.

— Пробудившаяся кровь откликается на кровь.

Родер внимательно следил за изменениями рисунка.

— Насколько далеко?

— Пока недостаточно, чтобы определить человека или место, где он находится. Но достаточно, чтобы понять, какие ветви рода пережили столетия.

В глубине круга вспыхнул первый золотой огонек. Он рос медленно, словно не желал раскрывать себя полностью, по-

ка наконец не вытянулся в тонкую светящуюся нить. Маг невольно нахмурился.

— Это...

Он запнулся. Родер сразу заметил его замешательство.

— Говори.

— Такого быть не должно.

Несколько мгновений маг не сводил взгляда с золотой линии, после чего тихо произнес:

— Она древнее вашей.

Ветер с силой ударил в пролом стены. Пламя факелов качнулось. Но Родер даже не шелохнулся. Лишь его взгляд стал тяжелее.

— Повтори.

— Эта кровь древнее вашей, господин.

Теперь заговорил второй маг.

— Мы трижды повторили ритуал. Ошибки быть не может. Если судить по силе отклика, существует потомок, чья связь с Туфаном ближе вашей.

Долгое время Родер молчал. Со стороны могло показаться, будто услышанное совершенно его не удивило, однако оба мага слишком долго служили ему, чтобы не заметить едва уловимого напряжения, появившегося в его лице. Он медленно перевел взгляд на светящуюся нить.

— Значит...

Это слово прозвучало почти неслышно.

— Род Лиа не исчез.

Никто не ответил.

В древних преданиях драконов говорилось лишь о том, что после гибели Лиа ее ребенок бесследно исчез. Одни утверждали, что младенец умер вместе с матерью, другие — что сам Синей уничтожил его, не желая оставлять живым плод преступления Туфана. За годы истина превратилась в легенду, а легенда — в полузабытый миф, которому давно перестали верить.

И все же сейчас золотая нить безмолвно доказывала обратное. Ребенок выжил. Более того, его кровь не растворилась среди людей. Она продолжала существовать.

— Если это действительно потомок Лиа... — осторожно произнес старший маг.

— Тогда он старше меня.

Родер закончил мысль за него. Он произнес это спокойно, словно обсуждал не собственную судьбу, а давно забытый исторический факт.

— Пока эта линия жива, именно она обладает первенством среди потомков Туфана.

Он протянул руку к золотой нити, но не коснулся ее. Пальцы замерли в нескольких дюймах от мерцающего света.

— Я слишком долго считал себя старшим наследником крови.

На его губах появилась едва заметная улыбка. Не раздраженная. Не злорадная. Скорее задумчивая. Так улыбается человек, неожиданно обнаруживший на шахматной доске

фигуру, существование которой никто не предполагал.

— Значит... партия оказалась гораздо интереснее, чем я думал.

Родер еще долго смотрел на золотистую нить, медленно пульсировавшую над древними символами, словно надеялся, что ошибся не ритуал, а его собственные глаза, однако с каждой новой вспышкой становилось лишь очевиднее: перед ним находилось не искажение заклинания и не случайный магический всплеск, а след крови, которая действительно принадлежала более старшей ветви рода, и это открытие, разрушавшее все представления, которыми он жил последние десятилетия, требовало не вспышки гнева, а холодного, беспристрастного осмысления.

— Вы сказали, что нашли два источника, — наконец произнес он, не отрывая взгляда от сияющего круга. — Покажите второй.

Младший маг, до этого предпочитавший молчать, вновь опустился на одно колено возле магического рисунка и осторожно коснулся пальцами одного из символов. Серебристые линии дрогнули, словно оживая под его рукой, после чего немного в стороне от первой золотой нити медленно проступило еще одно свечение, значительно слабее предыдущего, но при этом куда ровнее, без резких всплесков и провалов, характерных для сильно разбавленной человеческой крови.

Несколько мгновений Родер внимательно изучал новую линию, после чего спокойно спросил:

— Турен?

— Мы почти уверены в этом, господин, — ответил старший маг. — Магия ощущает ту же природу, но иную силу. Это кровь не Туфана.

— Насколько она далека от первоисточника?

Маг тяжело вздохнул, прекрасно понимая, что именно этот вопрос волновал Родера куда сильнее, чем личность неизвестного носителя.

— Определить поколение невозможно. Мы научились чувствовать кровь лишь после того, как проклятие изменилось, но не настолько хорошо, чтобы видеть ее историю. Однако одно можно сказать наверняка: эта линия уже не раз смешивалась с человеческой. Сила еще велика, но она значительно слабее той, какой должна быть у прямых потомков Турена.

Родер задумчиво провел большим пальцем по подбородку, продолжая рассматривать вторую золотую нить, будто пытался увидеть за ней не безликий магический след, а человека, которому она принадлежала. Он прекрасно понимал, что сейчас перед ним лежит задача, ответ на которую невозможно найти ни в одном из сохранившихся свитков, потому что никто из живущих не мог сказать, существует ли вообще способ освободиться от проклятия Синея. Все знания драконов ограничивались древними легендами, противоречившими друг другу настолько, что каждая из них могла оказаться как истиной, так и красивой выдумкой.

— Если кровь Турена необходима для пробуждения драконьей сущности, — медленно произнес он, словно продолжая собственные размышления вслух, — это еще не означает, что любой его потомок способен снять проклятие. Каждое поколение, заключавшее браки с людьми, неизбежно уносило часть той силы, которой обладали дети Синяя, а значит, однажды мог наступить момент, когда божественной крови станет недостаточно.

— Именно этого мы и опасаемся, господин, — осторожно подтвердил старший маг. — Если для освобождения драконьей природы действительно необходима кровь определенной силы, человек, которого мы сейчас чувствуем, может оказаться слишком далек от своего предка.

— А может оказаться единственным, кто вообще сохранился, — негромко возразил Родер.

Он говорил спокойно, однако в его голосе звучала привычная рассудительность человека, давно научившегося не строить планы на предположениях. Слишком многие погибали именно потому, что принимали желаемое за действительное, тогда как он предпочитал исходить из худшего варианта, позволяя реальности лишь приятно удивлять его, если судьба вдруг оказывалась благосклоннее ожиданий.

— Мы не знаем, сколько потомков есть у Турена, — продолжил он после непродолжительного молчания. — Возможно, эта кровь принадлежит единственному наследнику его рода. Возможно, одному из многих. Возможно, суще-

ствует ветвь, которая сохранила куда больше древней силы, но пока остается скрытой даже от нашего поиска. До тех пор пока я не получу ответы на эти вопросы, любая догадка будет лишь пустой тратой времени.

Он медленно перевел взгляд с одной золотой нити на другую, и на мгновение обе линии вспыхнули особенно ярко, словно сами откликнулись на его мысли.

— Поэтому мне нужны оба, — произнес Родер уже совершенно твердо. — Потомок Лиа и потомок Турена. Потомок Лиа может помочь понять природу крови Туфана, а потомок Турена — единственным мостом к крови Турена, а пока я не узнаю, какую роль каждому из них отвел сам Синеи, ни один из них не имеет права умереть.

Лишь произнеся эти слова, он позволил себе едва заметную улыбку, в которой не было ни торжества, ни злобы — только холодное удовлетворение человека, постепенно складывавшего из разрозненных кусочков сложнейшую головоломку, начало которой было положено задолго до рождения целых государств, а завершение, как он теперь отчетливо понимал, зависело всего от нескольких людей, еще не подозревавших, что их кровь уже стала предметом охоты.

Глава 12. Турен

Дорога до владений Дома Риона заняла меньше времени, чем рассчитывал Турен, однако каждый пролетевший под копытами лошадей километр казался ему мучительно долгим, потому что разум вновь и вновь возвращался к единственной мысли, не оставлявшей его с той самой минуты, когда он узнал о ночном покушении. Он слишком хорошо представлял, как именно действуют наемники Мира, никогда не ошибавшиеся с выбором цели и не знавшие жалости, а потому с каждым часом все отчетливее понимал, что отделяет его от непоправимого не собственная сила и даже не воля богов, а цепочка случайностей, благодаря которым Ирис осталась жива.

За долгую жизнь ему доводилось принимать решения, от которых зависели судьбы тысяч людей, отправлять армии в сражения, терять друзей и хоронить тех, кого он искренне любил, однако ничто из пережитого не вызывало в душе той тяжелой, почти физической боли, которую испытывает отец, осознавший, насколько близко смерть подошла к его ребенку в тот момент, когда сам он находился слишком далеко, чтобы заслонить его собой.

Он не знал всех подробностей произошедшего. Не знал, каким образом убийцам удалось проникнуть в спальню Ирис. Не знал, кто первым поднял тревогу. Не знал, сколько

мгновений отделяло ее от гибели. Да сейчас это и не имело значения. Для него существовал только один вопрос.

Она жива.

Именно поэтому он ехал сюда. Не для того, чтобы разбиться в случившемся. Не для того, чтобы выслушивать объяснения главы Дома Риона. Не для того, чтобы искать виновных.

Он приехал забрать дочь домой.

Когда впереди наконец показались высокие стены крепости, Турен лишь на мгновение поднял взгляд, привычно отмечая расположение башен, караульных площадок и открытых ворот, после чего почти сразу перевел его к окнам жилого крыла. Где-то там сейчас находилась Ирис, и этого было достаточно, чтобы все остальное перестало существовать.

Крепость жила своей обычной жизнью. На стенах несли службу караульные, во внутреннем дворе слуги торопились по утренним поручениям, конюхи выводили лошадей, а над кухнями уже поднимался легкий дым, обещавший скорый завтрак обитателям замка. Если бы Турен не увидел в видении, что произошло минувшей ночью, он не заметил бы ничего необычного, однако именно эта обманчивая безмятежность тревожила сильнее любых следов битвы, потому что за ее внешним спокойствием скрывалось простое и страшное обстоятельство: пока крепость спала, двое убийц беспрепятственно добрались до спальни его дочери.

Рядом ехал Алекс, не нарушавший молчания с самого рас-

света. Турен был благодарен ему за это. Сейчас он не нуждался ни в словах утешения, ни в разговорах, ни в попытках отвлечь его от тяжелых мыслей. Некоторые тревоги невозможно разделить даже с самыми близкими людьми, потому что они рождаются не в разуме, а гораздо глубже — там, где страх за собственного ребенка оказывается сильнее здравого смысла.

Тяжелые створки ворот начали медленно расходиться, едва всадники приблизились к мосту. Стражники сразу узнали гостей и почтительно склонили головы, однако Турен ответил лишь едва заметным кивком, не задерживая взгляда ни на одном из них. Он не замечал ни крепости, ни людей вокруг, продолжая искать глазами только одну фигуру, и лишь когда на верхней площадке широкой лестницы появилась Роз, выражение его лица впервые за всю дорогу изменилось.

На одно короткое мгновение ему показалось, что перед ним вновь стоит совсем юная девушка, которую когда-то он обещал защитить любой ценой, однако иллюзия рассеялась почти сразу. За прошедшие годы Роз научилась держаться с достоинством настоящей главы Великого Дома, но сейчас усталость, притаившаяся в ее взгляде, выдавала гораздо больше, чем она сама хотела показать. Даже отсюда Турен видел, что эта ночь не прошла для нее бесследно.

Она быстро спустилась навстречу, и стоило между ними остаться всего несколько шагов, как официальность исчезла сама собой.

— Турен...

Он не дал ей договорить, крепко обняв так же естественно, как делал это много лет назад, когда она еще была ребенком и искала у него защиты от собственных страхов.

— Девочка моя...

Эти слова сорвались с губ прежде, чем он успел подумать, насколько странно они звучат теперь, когда перед ним стояла взрослая женщина, управлявшая одним из сильнейших Домов Империи. Но Роз лишь тихо улыбнулась и, на одно короткое мгновение позволив себе перестать быть правительницей, прижалась к нему так же доверчиво, как когда-то давно.

— Я рада, что ты приехал, — едва слышно сказала она.

И Турен сразу понял, что эти слова относятся вовсе не к нему. Она говорила об Ирис. Именно поэтому он, даже не выпуская ее из объятий, задал единственный вопрос, который действительно имел для него значение.

— Где моя дочь?

Роз на мгновение прикрыла глаза, словно этот простой вопрос оказался тяжелее всех разговоров, которые ей пришлось вести после рассвета, а затем медленно высвободилась из его объятий и, подняв голову, попыталась улыбнуться той спокойной, почти безмятежной улыбкой, которой за долгие годы научилась встречать любую беду, не позволяя окружающим заметить собственную слабость.

— Она отдыхает, — тихо ответила хозяйка крепости. —

Целители сказали, что ей нужен сон. Последняя ночь оказалась слишком долгой.

Турен молча кивнул.

Он не стал задавать новых вопросов, хотя их было слишком много. Не спросил, каким образом убийцы смогли проникнуть в спальню Ирис, почему охрана не остановила их раньше и кто именно спас его дочь, потому что понимал: всему этому еще придет время. Сейчас же он хотел лишь увидеть собственными глазами, что сердце девушки продолжает биться, а дыхание остается ровным. Только после этого разум согласился бы заняться всем остальным.

— Тогда проводи меня к ней.

Роз не сдвинулась с места.

Со стороны могло показаться, что ее задержало всего лишь короткое мгновение растерянности, однако Турен сразу почувствовал, как внутри поднимается давно забытое ощущение тревоги. За прожитые века ему слишком часто приходилось смотреть в глаза людям, скрывавшим правду, и потому он давно перестал доверять словам, предпочитая наблюдать за тем, чего собеседник сам не замечает: за едва уловимой задержкой дыхания, за напряжением пальцев, за тем, как меняется ритм сердца, когда человек произносит одну фразу и мысленно готовится сказать совсем другую.

Роз никогда не умела лгать ему. Не потому, что была плохой лгуньей. Просто он слишком хорошо знал девочку, ко-

торуя когда-то воспитывал. Она могла скрыть свои мысли от Совета Великих Домов, от врагов, союзников и даже от собственного сына, однако рядом с Туреном неизменно становилась той самой маленькой Роз, которая в детстве сначала пыталась убедить его, что ничего не натворила, а спустя несколько секунд сама же признавалась во всем, не выдерживая его спокойного взгляда.

И сейчас он видел то же самое. Она хотела что-то сказать. Но не решалась.

— Роз.

Он произнес ее имя спокойно, без тени приказа, однако она вздрогнула так заметно, что Алекс, до этого молча державшийся чуть позади, невольно перевел на нее внимательный взгляд.

— Что произошло?

Несколько долгих секунд она молчала.

Во дворе продолжали переговариваться слуги, где-то неподалеку слышался звон металла, за стенами крепости заржала лошадь, и вся эта привычная утренняя жизнь неожиданно показалась Турену удивительно далекой, потому что он уже чувствовал: дело вовсе не в ночном покушении. Убийцы могли оставить после себя страх, могли заставить людей нервничать, могли лишить кого-то сна, но они не могли породить то выражение, которое он сейчас видел на лице Роз.

Это было чувство совсем иной природы. Не испуг. Не об-

легчение. Не усталость.

Так выглядит человек, неожиданно понявший, что будущее начинает складываться совсем не так, как он надеялся, и не представляющий, каким образом остановить события, которые уже невозможно обратить вспять.

Турен ощутил, как ведьмачье чутье, никогда не подводившее его за долгие столетия, откликается тихим, почти незаметным предупреждением. Магия не сообщала ему ответов и не открывала чужих мыслей, однако интуиция, рожденная опытом сына Синя, редко ошибалась, когда речь заходила о людях, которых он любил.

Что-то изменилось.

И произошло это уже после того, как смерть отступила от постели Ирис.

Именно эта мысль заставила его окончательно отказаться от любых догадок. Он слишком хорошо знал цену поспешным выводам, чтобы строить их на основании нескольких взглядов и недосказанных фраз.

— Роз, — повторил он уже мягче. — Я приехал не как союзник Дома Риона и не как сын Синя. Я приехал как отец. Поэтому не пытайся защитить меня от правды. Скажи, что произошло.

Она подняла на него глаза, и в этот самый миг в коридоре послышались уверенные, размеренные шаги человека, привыкшего к тому, что любое его слово становится приказом, после чего знакомый голос с безупречно выдержанной веж-

ливостью произнес:

— Турен. Простите, что заставил ждать.

Глава 13. Правда

Роз облегченно выдохнула лишь потому, что появление Джексона прервало разговор, который она все равно не смогла бы закончить так, как следовало. За те несколько мгновений, что отделяли его от них, она успела понять лишь одно: если Турен сейчас войдет в комнату Ирис, а затем сразу же потребует увезти ее, она не только не станет возражать, но и сама поможет собрать вещи. Еще вчера подобная поспешность показалась бы ей бессмысленной, однако после бессонной ночи, наполненной слишком многими открытиями, сердце упрямо подсказывало, что промедление может оказаться куда опаснее самого покушения.

Джексон приблизился уверенным, размеренным шагом человека, который привык нести ответственность за каждое принятое решение, и, почтительно склонив голову перед Туреном, произнес несколько обязательных слов приветствия, однако даже этой короткой встречи оказалось достаточно, чтобы сын Синея внимательно присмотрелся к молодому главе Дома Риона.

Турен видел перед собой сильного мужчину. Не мальчика, случайно получившего власть. Не избалованного наследника древнего рода. И даже не воина. Перед ним стоял человек, уже успевший понять, что любое его решение оплачивается чужими судьбами, а подобное понимание всегда меня-

ет взгляд. Оно делает его спокойнее, тяжелее и значительно старше прожитых лет.

И все же было в Джексоне нечто странное. Что-то едва уловимое. Что-то такое, чего еще не существовало несколько дней назад. Турен не смог бы сразу назвать это чувство, однако ведьмачье чутье вновь заставило его насторожиться. В душе молодого главы Дома происходила борьба, которую тот пока еще успешно скрывал даже от самого себя, и именно эта внутренняя напряженность заставляла его держаться чуть прямее обычного, говорить чуть медленнее и слишком тщательно подбирать слова.

— Что привело вас на земли Дома Риона?

— У вас моя дочь, Ирис. Я хочу ее увидеть.

В голосе Турена не прозвучало ни просьбы, ни приказа. Лишь простое утверждение.

Джексон молча кивнул.

— Разумеется.

Никто больше не произнес ни слова.

Они медленно прошли по длинной галерее, освещенной мягким утренним солнцем, поднялись на второй этаж и остановились перед тяжелой дубовой дверью, возле которой по-прежнему дежурили двое вооруженных стражников. Джексон первым переступил порог комнаты, привычным взглядом окинул помещение, словно до сих пор продолжал убеждать себя, что опасность действительно осталась позади, после чего молча посторонился, позволяя Турену и Алексу вой-

ти следом. У окна негромко переговаривались две служанки, раскладываявшие на небольшом столике пузырьки с лекарствами и свежие повязки, а седовласая целительница как раз закончила осмотр и, заметив вошедших, с едва заметной улыбкой произнесла, что беспокоиться больше не о чем: леди уже пришла в себя, слабость еще сохранится несколько дней, однако худшее осталось позади.

Лишь теперь все взгляды одновременно обратились к кровати.

Ирис уже не спала. Она полусидела, опираясь на высокие подушки, и с явным недовольством рассматривала перевязанную руку, словно полученная рана раздражала ее значительно сильнее, чем сама мысль о том, что еще несколько часов назад она находилась на грани смерти. Услышав шаги, девушка подняла голову, и едва ее взгляд остановился на Алексе, лицо мгновенно преобразилось той искренней, светлой радостью, которую невозможно сыграть даже самому талантливому актеру.

— Алекс!

Она совершенно забыла обо всем остальном, поспешно попыталась подняться с постели, тут же болезненно поморщилась, однако все равно упрямо протянула к нему здоровую руку, заставив Алекса самому преодолеть разделявшие их несколько шагов.

— Ты жив... — облегченно выдохнула она, крепко обнимая его. — Я всю ночь пыталась вспомнить, что произошло

после того, как ты исчез... — она на мгновение замолчала, словно не желая даже мысленно возвращаться к пережитому, — мне казалось, что я больше тебя не увижу.

— Со мной все хорошо, — тихо ответил Алекс, осторожно обнимая ее в ответ. — А вот ты, похоже, снова решила проверить, сколько седых волос можешь добавить окружающим.

Ирис негромко рассмеялась.

— Судя по твоему лицу, эксперимент удался.

Она только теперь заметила, что кроме Алекса в комнате находятся и остальные, и приветливо улыбнулась Роз, благодарно кивнула Джексону, после чего с любопытством перевела взгляд на Турена, в котором без труда узнала человека, спасшего их совсем недавно, а потом бросившего ее.

— Кажется, я опять доставила всем слишком много хлопот, — произнесла она с привычной легкостью, пытаясь разрядить обстановку. — Простите, но если уж решила попадать в неприятности, то делаю это исключительно с размахом.

Несколько человек невольно улыбнулись, и даже напряжение, до этого почти осязаемо висевшее в комнате, стало немного слабее. Ирис же неожиданно вновь посмотрела на Алекса, и веселое выражение постепенно исчезло с ее лица. Она слишком хорошо знала его. Слишком давно. И потому сразу поняла, что за привычными шутками скрывается нечто гораздо более серьезное.

— Что случилось? — тихо спросила она. — Только не говори, что ничего. У тебя всегда такой взгляд перед разговором, который мне заранее не понравится.

Алекс опустил глаза. Он уже успел тысячу раз мысленно представить эту минуту, однако сейчас, когда она наконец наступила, понял, что ни одна заранее придуманная фраза не кажется правильной. Ирис проследила за его молчанием, затем медленно перевела взгляд на остальных.

— Мне кажется... нам лучше поговорить наедине.

Она произнесла это спокойно, без раздражения, однако таким тоном, который не оставлял сомнений: сейчас она хочет услышать ответы только от Алекса.

Роз первой поняла ее желание.

— Разумеется, — мягко сказала она и направилась к двери.

Джексон последовал за матерью почти сразу, задержавшись лишь настолько, чтобы еще раз убедиться, что Ирис действительно чувствует себя лучше. Уже у самого порога он обернулся, встретился взглядом с Алексом и едва заметно кивнул.

Турен остался единственным, кто не двинулся с места. Он смотрел на дочь молча, стараясь запомнить каждую черту ее лица, каждое движение, каждую улыбку, понимая, что еще никогда в жизни не находился к ней так близко, и вместе с тем между ними лежала пропасть длиною в целую жизнь.

Ирис вопросительно посмотрела на незнакомца. Она не

понимала, почему этот человек продолжает стоять здесь и почему его взгляд наполнен такой странной, необъяснимой теплотой.

Алекс медленно поднялся.

— Турен... пожалуйста.

Сын Синея сразу понял смысл этой короткой просьбы.

Ни возражения, ни тени обиды не промелькнуло на его лице. Лишь едва заметно склонив голову, он без единого слова вышел вслед за остальными и осторожно прикрыл за собой дверь. Несколько долгих мгновений в комнате стояла такая тишина, что отчетливо слышалось потрескивание поленьев в камине.

Ирис терпеливо ждала. Она уже не улыбалась.

Интуиция подсказывала ей, что разговор навсегда разделит ее жизнь на «до» и «после».

— Мы не попали сюда случайно, потому что этот мир и есть наш настоящий дом. Здесь мы родились. Здесь прошло наше самое первое детство, которого ни ты, ни я просто не помним.

Она медленно покачала головой.

— Нет... Этого не может быть...

— Может, — спокойно ответил Алекс. — Когда нам обоим угрожала смертельная опасность, Турен спрятал нас в другом мире. В мире людей. В мире своего старшего брата Замуэля. Именно там мы выросли, считая его единственным существующим, потому что так было безопаснее.

Ирис долго молчала, пытаясь осознать услышанное.

— Подожди... Турен? Почему именно он?

Алекс тяжело вздохнул.

Он понимал, что сейчас подошел к самой важной части разговора.

— Потому что он не просто человек, которого мы встретили после возвращения сюда. Турен — один из сыновей бога Синея. Ведьмак, которому досталось собственное царство после Великого Раскола. Этот мир принадлежит ему. И... он твой отец.

Последние слова прозвучали негромко, но именно после них время словно остановилось. Ирис даже не сразу поняла смысл сказанного. Она просто смотрела на Алекса, ожидая, что тот сейчас улыбнется и признается, что решил крайне неудачно пошутить.

Но Алекс не улыбался.

— Нет... — едва слышно произнесла она. — Подожди... Ты сказал... мой отец?

— Да. Ты — его младшая дочь. А я — сын его старшей дочери и покойного императора этого мира.

Она растерянно нахмурилась.

— Значит... мы...

Ирис неожиданно тихо рассмеялась. Не потому, что ей стало смешно. Иногда человек смеется лишь потому, что иначе уже невозможно выдержать происходящее.

— Вот это поворот... — прошептала она, устало прикры-

вая глаза. — Я проснулась с мыслью, что вчера меня пытались убить, а теперь выясняется, что у меня появился отец, племянник... нет... — она беспомощно посмотрела на Алекса. — Или это ты мне племянник?

Несмотря на тяжесть разговора, Алекс невольно улыбнулся.

— Вообще-то я действительно твой племянник.

— Замечательно... Просто замечательно. Надеюсь, на сегодня сюрпризы закончились?

Он покачал головой.

— Боюсь, что нет.

Улыбка медленно исчезла с ее лица.

— Император этого мира... мой отец перед смертью оставил завешание. В нем своим наследником он назвал меня. Именно поэтому нас и вернуло сюда. Не случайность, не магия без причины и не чья-то ошибка. Это была последняя воля императора, и завешание пробудило древние законы крови.

— Значит... тебя специально вернули домой?

— Нас обоих. Потому что теперь мы больше не можем жить в мире людей. Пока император был жив, никто не мог нас вернуть в этот мир. После его смерти защита исчезла, и нас вернули туда, где наше место.

Ирис задумчиво провела пальцами по краю одеяла.

— А нападение...

Алекс медленно кивнул.

— Теперь ты понимаешь, почему оно произошло. Люди пришли не за тобой как за Ирис, а как за человеком, который может привести их ко мне.

— Но зачем?

— Потому что существует человек, которому мое возвращение разрушает все планы.

Он ненадолго замолчал.

— Мир.

Имя прозвучало тяжело.

— Он младший брат императора. Мой родной дядя. После смерти отца именно он рассчитывал занять трон, считая, что других законных наследников больше не осталось. Но завещание перечеркнуло все его ожидания. Теперь законным наследником признан я, а значит, пока я жив, он никогда не станет императором.

Ирис медленно подняла на него взгляд.

— Поэтому он решил убить тебя.

— Да.

— Но напали на меня.

— Потому что ты — моя семья. Потому что ты дочь Турена. Потому что через тебя можно было ударить сразу по нескольким людям. И потому что люди Мира очень быстро поняли одну вещь: если не удастся добраться до меня, они будут искать тех, кем я дорожу.

В комнате вновь воцарилось долгое молчание. Ирис больше не спорила. Она уже не пыталась найти в рассказе проти-

воречия. Слишком многое наконец обрело смысл. И внезапное возвращение в этот мир. И странное отношение Турена. И охота. И покушение. И даже то необъяснимое чувство, которое появилось у нее в тот день, когда она впервые увидела этого сурового мужчину.

— Значит... — тихо произнесла она, — все только начинается?

Алекс медленно кивнул.

— Именно поэтому я и должен был рассказать тебе правду. Пока Мир жив, мы оба в опасности. Нас будут искать снова. Нас попытаются разделить, потому что поодиночке мы гораздо уязвимее. И если мы хотим выжить и остановить его, нам больше нельзя действовать так, словно каждый сам за себя.

Он ненадолго замолчал, после чего добавил уже совсем тихо:

— А еще тебе пора познакомиться с человеком, который все эти годы ждал возможности назвать тебя своей дочерью.

Глава 14. Право сильного

В комнате впервые за долгое время воцарилась тишина, не нарушаемая ни встревоженными голосами, ни торопливыми шагами слуг, ни тяжелыми разговорами о смерти, покушении и заговоре. Сквозь высокие окна внутрь свободно проникал солнечный свет, разгоняя остатки ночной темноты, и только легкий запах лекарственных трав, еще витавший в воздухе, напоминал о том, насколько близко совсем недавно оказалась беда.

Ирис первой нарушила молчание.

— Кажется, теперь я понимаю, почему Алекс так нервничал.

Она попыталась улыбнуться, однако улыбка вышла не такой легкой, как обычно. Слишком многое изменилось за последние несколько минут, и даже ей, привыкшей искать светлые стороны в самых безнадежных обстоятельствах, требовалось время, чтобы принять услышанное.

Турен не ответил. Он просто смотрел на девушку, которую не видел больше двух десятилетий.

Когда-то ему казалось, что он уже смирился с этой потерей. Он убедил себя, что так было правильно, что другого выхода не существовало, что мир людей действительно являлся самым безопасным местом для двух детей, за которыми рано или поздно пришли бы враги его семьи, однако сей-

час, стоя всего в нескольких шагах от собственной дочери, он вдруг с пугающей ясностью понял, насколько сильно обманывал самого себя все эти годы.

Он пропустил ее первые слова. Первую улыбку. Первый страх. Первые слезы. Он не видел, как она училась ходить, не слышал ее смеха, не мог утешить, когда ей становилось больно, и не имел права называться отцом только потому, что однажды принял единственно возможное решение.

Ирис заметила этот взгляд почти сразу. Он был слишком тяжелым. Слишком теплым. Слишком личным для человека, который еще несколько дней назад оставался для нее совершенно незнакомым.

— Мне кажется... — осторожно произнесла она, стараясь подобрать слова, которые не прозвучали бы грубо, — вы смотрите на меня так, будто пытаетесь наверстать что-то очень важное.

Турен едва заметно улыбнулся. Впервые за долгое время.

— Возможно, именно этим я сейчас и занимаюсь.

Она тихо выдохнула.

— Если честно... все это немного пугает.

— Меня тоже.

Ирис удивленно моргнула. Она никак не ожидала услышать подобный ответ.

Человек, которого Алекс только что назвал сыном бога Синея, ведьмаком, основателем этого мира, человеком, к которому прислушивались главы Великих Домов, сейчас гово-

рил так просто и искренне, что на мгновение переставал казаться почти мифической фигурой.

Он вдруг стал очень обычным. Уставшим мужчиной, который отчаянно пытается найти слова для разговора с собственной дочерью.

— Значит... — негромко сказала Ирис, — вы действительно искали нас?

— Каждый день.

Она внимательно посмотрела ему в глаза. В них не было ни капли сомнения. Именно это оказалось самым убедительным. Не титул. Не сила. Не рассказ Алекса. А этот короткий ответ.

— Простите, — неожиданно произнесла она после долгой паузы. — Наверное, это ужасно звучит, но я совершенно не знаю, как должна сейчас себя вести.

Турен медленно приблизился, однако остановился на таком расстоянии, чтобы не нарушить ее личного пространства.

— Никак не должна.

Она вопросительно подняла голову.

— Мы оба слишком многое потеряли, чтобы пытаться наверстать все за один разговор. Мне не нужно, чтобы ты называла меня отцом уже сегодня. Не нужно заставлять себя чувствовать то, чего пока нет. Единственное, чего я хочу, — чтобы у нас появилась возможность узнать друг друга.

Глаза Ирис неожиданно защипало. Она вовсе не собира-

лась плакать. Наоборот, еще несколько минут назад твердо решила, что сумеет сохранить привычное самообладание, однако именно отсутствие давления, требований и громких слов оказалось сильнее любых признаний.

— Спасибо...

Турен лишь слегка склонил голову.

— За что?

— За то, что не пытаетесь заменить двадцать лет одной беседой.

Он тихо усмехнулся.

— Поверь, если бы существовал способ вернуть тебе все эти годы, я бы сделал это не задумываясь.

Она тоже улыбнулась. Совсем немного. Но уже совершенно искренне.

И именно в этот момент в дверь осторожно постучали.

— Войдите, — спокойно произнес Турен.

Дверь открылась почти сразу. На пороге появился Джексон.

Он остановился лишь на мгновение, словно невольно опасаясь нарушить разговор, свидетелем которого не должен был стать, однако Ирис первой избавила его от этого чувства, приветливо улыбнувшись так естественно, будто они были знакомы уже очень давно.

— Лорд Джексон, кажется, теперь мне наконец представилась возможность поблагодарить человека, который спас мне жизнь дважды.

— Не преувеличивайте мои заслуги.

— Даже не собираюсь, — весело возразила она. — Мне уже рассказали, что если бы не вы, разговаривать сейчас было бы некому.

Джексон подошел ближе. Теперь, когда тревога за ее жизнь наконец отступила, он впервые позволил себе внимательно рассмотреть девушку, из-за которой за последние несколько дней привычный порядок его жизни оказался перевернут с ног на голову.

Ему давно приходилось встречать красивых женщин. Некоторые обладали безупречной внешностью, другие покоряли умом, третьи — происхождением или воспитанием, однако Ирис производила совершенно иное впечатление.

Красота была лишь первой вещью, которую замечал человек. Гораздо опаснее оказывалось другое.

Она каким-то необъяснимым образом заставляла окружающих чувствовать себя рядом с ней спокойнее, словно одним своим присутствием рассеивала накопившуюся усталость, и даже сейчас, после покушения, после бессонной ночи и разговора, который перевернул всю ее жизнь, находила в себе силы улыбаться так искренне, что невольно улыбались и остальные.

Джексон неожиданно поймал себя на том, что уже несколько секунд просто смотрит на нее, совершенно забыв ответить. И именно в этот момент его взгляд случайно встретился со взглядом Турена. Между ними не прозвучало ни

одного слова. Однако совершенно неожиданно внутри Джексона возникло странное, почти болезненное чувство, смысл которого он не смог бы объяснить даже самому себе.

Ему вдруг не понравилось, что Турен стоит рядом с Ирис. Не потому, что опасался за девушку. Не потому, что сомневался в намерениях ведьмака. А потому, что совершенно необъяснимое внутреннее чувство настойчиво шептало, будто она... уже находится под его защитой. И это открытие настолько поразило самого Джексона, что на одно короткое мгновение он даже перестал слышать разговор, пытаясь понять, когда именно успело родиться ощущение, которого еще вчера просто не существовало.

Несколько долгих мгновений никто не нарушал воцарившегося молчания, и лишь тогда Турен, словно окончательно приняв решение, которое не собирался больше откладывать, спокойно перевел взгляд с Ирис на Джексона.

— Думаю, задерживаться здесь больше нет смысла. Ирис достаточно окрепла, чтобы продолжить путь, а значит, сегодня же она отправится со мной.

Эти слова прозвучали без нажима, однако в них чувствовалась привычка человека, чьи решения почти никогда не подвергались сомнению. Для Турена это было настолько естественным, что ему даже не пришло в голову облечь свое намерение в форму просьбы. После ночного покушения мысль оставить дочь там, где неизвестные убийцы сумели проникнуть почти к самой ее постели, казалась ему невоз-

можной.

Ирис растерянно посмотрела сначала на Турена, затем на Джексона, словно пытаюсь понять, почему в комнате вдруг стало ощутимо холоднее.

Глава Дома Риона ответил не сразу. Он медленно сцепил руки за спиной, позволяя себе еще несколько мгновений привести мысли в порядок, после чего произнес тем ровным, спокойным голосом, которым обычно объявлял самые неприятные решения.

— Боюсь, я не могу этого позволить.

В комнате вновь наступила тишина. Ирис почувствовала, что произошло нечто важное, хотя еще не понимала истинного значения этих слов.

Турен смотрел на Джексона совершенно спокойно.

— Объясните.

— Сегодня ночью на территории Великого Дома Риона было совершено покушение на жизнь человека, находившегося под моей защитой. Более того, нападавшие незаконно пересекли границы моих земель, и проникли в гостевые покои крепости. Подобное преступление касается уже не только моей семьи, но и всех Великих Домов Империи, поэтому еще до вашего прибытия я направил официальное сообщение в Совет.

Турен едва заметно прищурился.

— Что именно вы сообщили?

— Все, что мне известно.

Джексон выдержал короткую паузу.

— Я указал, что считаю организатором нападения Мира.

Имя младшего брата покойного императора прозвучало настолько спокойно, будто речь шла о совершенно постороннем человеке, однако именно эта сдержанность производила куда более сильное впечатление, чем любые обвинения.

— Вы понимаете серьезность своих слов? — негромко спросил Турен.

— Именно поэтому я не стал делать голословных заявлений. Я подробно изложил обстоятельства нападения, приложил показания свидетелей и наемников, направил собственные выводы, основанные на известных мне фактах. Теперь решение остается за Советом.

Турен внимательно изучал лицо молодого главы Дома. Ни тени страха. Ни желания произвести впечатление. Перед ним стоял человек, прекрасно понимающий, что обвинение одного из самых влиятельных лордов Империи способно положить начало войне между Великими Домами, и все же сознательно взявший эту ответственность на себя.

— Каким образом это связано с Ирис? — наконец спросил Турен.

— Самым непосредственным.

Джексон посмотрел на девушку.

— Леди Ирис является потерпевшей и главным свидетелем нападения. Если она покинет земли моего Дома до начала разбирательства, у Совета неизбежно возникнет вопрос,

почему глава Дома Риона позволил исчезнуть человеку, на которого было совершено покушение. Более того, мои противники немедленно воспользуются этим, чтобы объявить обвинения против Мира бездоказательными.

Он сделал небольшую паузу и уже значительно мягче добавил:

— Я не прошу оставить ее здесь навсегда. Лишь до того момента, пока Совет не примет решение и не направит своих представителей.

Турен медленно перевел взгляд к окну. Любое промедление вызывало у него внутренний протест. Каждая минута, проведенная Ирис вне его защиты, казалась неоправданным риском. И все же Джексон был прав. Если сейчас забрать девушку силой, последствия могут оказаться значительно опаснее, чем несколько дней ожидания.

Совет обязательно задаст вопросы. Мир воспользуется этим. А значит, вместо справедливого расследования начнется очередная политическая игра.

— Сколько времени потребуется Совету? — наконец спросил Турен.

— Если мое предположение верно и в дело действительно замешан Мир, они не станут медлить. Думаю, ответ придет в течение нескольких дней.

Турен ненадолго задумался.

— Хорошо.

Роз облегченно выдохнула. Даже Ирис словно перестала

так напряженно сжимать край покрывала.

— В таком случае, — продолжил Джексон, — прошу воспользоваться гостеприимством Дома Риона. Пока вы находитесь здесь, безопасность ваших людей станет моей обязанностью.

Турен молча кивнул. На этом разговор можно было считать законченным. Однако Джексон не спешил уходить. Его взгляд неожиданно остановился на Алексе. Теперь, когда все детали наконец сложились воедино, он уже не понимал, как мог не увидеть очевидного раньше. Неожиданное возвращение юноши именно после смерти императора.

Появление Турена. Покушение. Имя Мира. Завещание. Все части одной мозаики наконец заняли свои места. Перед ним стоял не просто молодой человек, случайно оказавшийся в центре чужих интриг. Перед ним находился законный наследник императорского престола. Именно ради его смерти Мир был готов нарушить границы Великого Дома, рискнуть столкновением с Советом и поставить под удар собственное имя. Эта мысль заставила Джексона посмотреть на Алекса совершенно иначе.

Не как на гостя. Не как на юношу, которого судьба случайно привела в его крепость. А как на человека, от решений которого очень скоро может зависеть будущее всей Империи.

— Алекс, — произнес он после недолгой паузы, — если вы не слишком устали после всего пережитого, я был бы при-

знателен, если бы позже вы уделили мне немного времени. Думаю, нам необходимо познакомиться значительно ближе.

Алекс вопросительно посмотрел сначала на Турена, затем вновь на Джексона и спокойно кивнул.

— Разумеется.

Джексон ответил таким же коротким кивком, однако, покидая комнату, неожиданно поймал себя на мысли, что идет значительно медленнее, чем обычно. Ему не хотелось признаваться даже самому себе, что причиной этого была вовсе не необходимость обдумать предстоящий разговор с наследником престола. Гораздо сильнее его беспокоило другое обстоятельство.

Он впервые в жизни уходил от женщины, которую уже совершенно не хотел оставлять одну.

Дорогие читатели!

Если вам нравятся истории, в которых за семейными тайнами прячутся древние силы, драконы просыпаются совсем не там, где их ожидали, а сильным мужчинам приходится обнаруживать, что сердце плохо подчиняется приказам, — подписывайтесь на мою страницу.

Я собираю свой клуб постоянных читателей и буду очень рада видеть вас среди тех, кто первым узнаёт о новых книгах, продолжениях, скидках и розыгрышах.

В последний день месяца в моём блоге проходят розыгрыши книг.

Спасибо, что разгадываете тайны Ирис и Джексона вме-

сте со мной ##

Глава 15. Союзники поневоле

Столица встретила Родера совсем не так, как он ожидал.

За долгие годы странствий он успел привыкнуть к городам, где жизнь текла размеренно и неторопливо, где люди больше интересовались урожаем, ценами на зерно или очередным праздником, чем делами правителей, однако здесь воздух словно был пропитан тревогой. Даже на главных улицах, где обычно царили шум торговли и привычная суета, разговоры неизменно сводились к одной и той же новости, а стоило кому-нибудь произнести имя покойного императора, как рядом тут же находился десяток желающих поделиться собственной версией происходящего.

Родер не задавал вопросов. Он никогда этого не делал. Люди охотнее раскрывали чужие тайны тогда, когда были уверены, что их никто не слушает. Именно поэтому, оставив магов устраиваться в богатом постоялом дворе неподалеку от дворцового квартала, он занял место за самым неприметным столиком в общем зале, заказал вино и приготовился ждать. Ожидание никогда не было для него потерей времени. Очень скоро рядом за соседним столом расположились двое купцов, громко обсуждавших последние новости столицы.

— Не верю я во все это, — с усмешкой заявил один из них. — Откуда вдруг мог взяться наследник? Всем известно, что после смерти императора род оборвался.

— Значит, не оборвался, — уверенно возразил второй. — Говорят, завешание вскрыли при Совете, и там черным по белому указано имя законного наследника.

Родер медленно поднял бокал.

— Чье?

— Внука Турена.

Первая действительно важная новость. Родер не изменился в лице, однако пальцы, державшие кубок, едва заметно сжались. Внук Турена. Он не ошибся. Кровь ведьмаков не исчезла.

— Странно только, — продолжал купец, — что самого Турена никто так и не видел.

— Да его вообще уже много лет никто не видел.

— После смерти старшей дочери он словно исчез.

— Одни говорят, ушел в свои владения.

— Другие уверяют, будто он давно умер.

— Ведьмаки вообще странный народ.

— Да и какая теперь разница? Осталась только леди Роз, которую он воспитал после смерти сестры. Все думали, что она и станет последней из его семьи.

— А оказалось, где-то скрывался еще и внук...

Разговор постепенно перешел на цены, налоги и слухи о предстоящем заседании Совета, однако Родер уже не слышал ни единого слова. Он спокойно поставил кубок на стол и медленно прикрыл глаза. Все оказалось значительно хуже, чем он предполагал.

До сегодняшнего дня он был почти уверен, что род Турена постепенно угасает так же неумолимо, как и род Туфана, а значит, проклятие Синеея продолжит пожирать потомков его хозяина до самого конца времен. Но теперь ситуация изменилась. Появился внук. Последний известный потомок Турена. А вместе с ним появилась и кровь, способная разрушить проклятие.

Многие годы маги рода Туфана безуспешно искали способ пробудить спящую драконью сущность, заключенную глубоко внутри каждого наследника, однако проклятие, наложенное Синеем после гибели Лиа, не позволяло завершить превращение. Оно раз за разом уничтожало любую попытку вернуть утраченную силу, словно сама кровь отказывалась принимать собственную природу.

Лишь одна древняя запись, дошедшая до Родера от первых хранителей рода, упоминала возможный выход. Кровь потомка Турена. Или кровь самого Турена. Только она могла разрушить проклятие, наложенное богом. Раньше эта легенда казалась почти бесполезной. Добраться до Турена было невозможно. После смерти старшей дочери Турена, возлюбленной императора все думали, что род Турена угас. Теперь же судьба сама вывела одного из них на свет.

Родер медленно улыбнулся. Совсем немного. Ровно настолько, насколько улыбается охотник, неожиданно обнаруживший, что добыча сама вышла из леса на открытое место.

— Значит, ты все-таки существуешь... — едва слышно

произнес он. — И, если слухи не лгут, ты еще слишком молод, чтобы понимать, какое сокровище течет в твоих венах.

Он поднялся из-за стола и направился к выходу, где его уже ожидали двое магов. Самый старший вопросительно посмотрел на него.

— Мы продолжаем поиски?

Родер отрицательно покачал головой.

— Нет.

— Тогда что изменилось?

Он остановился на ступенях, откуда открывался вид на дворец, возвышавшийся над городом подобно огромной каменной крепости.

— Мы приехали вовремя.

Маги переглянулись. Они слишком давно служили Родеру, чтобы не заметить опасного блеска, появившегося в его глазах. Так он смотрел лишь тогда, когда понимал, что партия, казавшаяся проигранной, неожиданно открывает совершенно новые возможности.

— Наследник нужен не только тем, кто мечтает увидеть его мертвым, — негромко произнес Родер. — Некоторым он гораздо ценнее живым.

Он ненадолго замолчал, словно мысленно переставляя фигуры на огромной шахматной доске, после чего спокойно закончил:

— Думаю, пришло время познакомиться с Миром. У меня есть предложение, отказаться от которого ему будет очень

трудно.

К полудню имя Родера уже было известно во дворце.

Человек, прибывший в столицу вместе с двумя магами, не пытался скрывать свои силы, поэтому известие о неожиданном госте достигло Мира значительно раньше, чем сам Родер переступил порог императорской резиденции.

В другое время подобная настойчивость могла бы вызвать раздражение, однако последние дни превратили жизнь младшего брата покойного императора в бесконечную череду неприятных известий, каждое из которых оказывалось тяжелее предыдущего. Сначала завещание, перечеркнувшее все его планы, затем слухи о внезапно объявившемся наследнике, а теперь еще и донесение главы Дома Риона, открыто обвинявшего его в нападении на землях Великого Дома.

Поэтому, когда дворецкий сообщил о прибытии Родера, Мир приказал немедленно проводить гостя в свой кабинет.

Высокие окна выходили в дворцовый сад, однако хозяин кабинета даже не взглянул в их сторону. Он стоял возле массивного письменного стола, положив ладони на темную столешницу, и внимательно наблюдал за человеком, который неторопливо вошел в комнату, словно находился не в императорском дворце, а в собственном доме.

Родер не поклонился. Лишь слегка склонил голову, отдавая дань скорее правилам приличия, чем положению собеседника. Мир отметил это сразу.

— Мне сообщили, что вы хотели меня видеть.

— Именно так.

— В таком случае говорите.

Родер не торопился. Несколько секунд он молча рассматривал человека, которого совсем недавно вся Империя уже почти привыкла считать будущим императором, и чем дольше длилось это молчание, тем отчетливее понимал, что слухи не ошиблись.

Перед ним стоял честолюбивый человек. Умный. Осторожный. И достаточно самолюбивый, чтобы ради трона переступить через кровь собственной семьи. Именно такие люди были особенно удобны. Они редко задумывались, кто на самом деле управляет игрой.

— Позвольте начать с поздравлений, — наконец произнес Родер.

Мир удивленно приподнял бровь.

— Не припомню повода.

— Его действительно больше нет.

После этих слов на губах Родера появилась едва заметная улыбка.

— Еще несколько дней назад вы почти стали императором.

Теперь же у вас появился соперник. Мир не изменился в лице. Лишь взгляд стал заметно холоднее.

— Вы приехали обсуждать слухи?

— Нет.

Я приехал обсуждать человека, который может лишить

вас трона. Короткая пауза повисла между ними подобно натянутой тетиве.

— Вы знаете, кто он?

— Теперь знаю.

— Тогда вы должны понимать, что он всего лишь мальчишка.

— Ошибаетесь.

Родер спокойно покачал головой.

— Меня совершенно не интересует его возраст. Меня интересует его кровь.

В кабинете стало необычайно тихо.

— Объяснитесь.

— Наследник — потомок Турена. Именно это делает его опасным.

Мир непонимающе нахмурился.

— Он всего лишь внук ведьмака.

— Именно поэтому.

Родер медленно подошел к окну.

— Вам известно, почему ваш брат никогда не пытался открыто воевать с Туреном?

Мир промолчал.

— Потому что ведьмаков невозможно оценивать так же, как остальных людей. Пока их сила спит, они кажутся обычными смертными. Но стоит ей пробудиться...

Он не договорил. Продолжение не требовалось.

— Вы полагаете, этот юноша способен пробудить дар?

— Я полагаю, что никто не имеет права исключать такую возможность.

Родер повернулся к собеседнику. Теперь в его голосе не осталось даже намека на любезность.

— Если это произойдет, вы проиграете еще до того, как начнется борьба за трон.

Мир долго молчал. Он не любил признавать чужую правоту, однако слишком хорошо понимал, что человек напротив говорит вовсе не для того, чтобы его напугать. Он пришел с готовым решением.

— Чего вы хотите?

Именно этого вопроса Родер и ждал.

— Союза.

— На каких условиях?

— Моим людям нужен наследник. Живым.

Мир резко выпрямился.

— Зачем?

На этот вопрос Родер отвечать не собирался.

Истинную цель — снять древнее проклятие рода Туфана, пробудив драконью сущность с помощью крови потомка Турена, — не должен был знать никто за пределами его круга.

Поэтому он лишь спокойно произнес:

— Причины вас не касаются. Когда он окажется в моих руках, мы получим то, за чем пришли. После этого наследник перестанет существовать. Никаких свидетелей. Никаких вопросов. Никаких обвинений в вашу сторону. Императо-

ром станете вы.

Мир медленно подошел ближе.

— И вы действительно готовы оказать мне такую услугу?

Родер позволил себе едва заметную улыбку.

— Я не оказываю услуг. Я заключаю сделки.

Несколько долгих мгновений они молча смотрели друг другу в глаза, прекрасно понимая, что ни один из них не доверяет собеседнику и никогда не станет доверять, однако сейчас их интересы удивительным образом совпадали.

Мир первым протянул руку.

— Значит, договорились.

Родер ответил рукопожатием, уже зная, что человек на-
против ошибается в самом главном. Он считал, будто заклю-
чил союз. На самом деле стал всего лишь еще одной фигурой
на доске, которую Родер расставил задолго до своего появ-
ления в столице.

Глава 16. Оружейная

Крепость Дома Риона впервые за последние несколько дней погрузилась в непривычную тишину, словно сами каменные стены, уставшие от тревожных криков, звона оружия и запаха крови, наконец позволили себе короткую передышку, однако для Ирис это спокойствие оказалось настоящим испытанием, потому что лежать в комнате, когда за окном кипела чужая жизнь, было почти невыносимо.

Роз несколько раз повторила, что ей необходим отдых. Турен поддержал ее. Даже Алекс, прекрасно знавший характер сестры, попросил хотя бы сегодняшний день провести без приключений. Ирис честно собиралась последовать этому совету. По крайней мере, первые десять минут. Потом ей стало скучно.

Она некоторое время пыталась читать толстую книгу, обнаруженную на прикроватном столике, но после третьей страницы окончательно запуталась в именах каких-то древних лордов, закрыла ее с таким видом, словно именно книга была виновата в собственной невероятной занудности, подошла к окну, постояла там ровно столько, сколько понадобилось, чтобы окончательно убедиться: смотреть на внутренний двор значительно менее интересно, чем ходить по нему самой, после чего без всяких угрызений совести набросила легкую накидку и выскользнула из комнаты.

— Немножко прогуляюсь, — тихо сообщила она пустому коридору.

Совість попыталась напoмнить, что это плохая идея. Ирис великодушно решила ее не слушать. Поначалу все складывалось удивительно удачно. Стражники почтительно склоняли головы. Служанки улыбались. Никто не пытался вернуть ее обратно.

Даже сама крепость постепенно переставала казаться мрачной. При дневном свете она выглядела совсем иначе, чем ночью, когда Ирис впервые увидела ее сквозь боль и жар после нападения. Серый камень оказался теплого медового оттенка, высокие окна пропускали столько солнца, что длинные галереи казались наполненными золотистой дымкой, а во внутреннем дворе тренировались молодые воины, и звон сталкивающихся клинков разносился далеко под сводами.

Ирис остановилась у перил, наблюдая за поединком.

— Красиво...

Один из бойцов ловко выбил меч из рук противника.

— Хотя если честно, — пробормотала она себе под нос, — я бы уже давно кого-нибудь случайно ударила рукоятью по голове.

Эта мысль показалась ей настолько правдоподобной, что она тихо рассмеялась и пошла дальше, позволяя любопытству вести себя по бесконечным переходам крепости. Именно любопытство и стало причиной очередной катастрофы. Одна из тяжелых дубовых дверей оказалась приоткрыта. Из-

нутри тянуло запахом масла, стали и старого дерева. Ирис остановилась.

— Нет...

Она выразительно посмотрела на дверь.

— Мы туда не пойдем.

Дверь продолжала молчать.

— Вообще не пойдем.

Она сделала еще один шаг.

— Совершенно точно не...

Через несколько секунд дверь за ее спиной тихо закрылась. Оружейная оказалась огромной.

Солнечные лучи проникали сквозь узкие высокие окна и ложились на бесконечные ряды мечей, копий, алебард, луков и тяжелых доспехов, отчего казалось, будто весь зал наполнен холодным серебристым светом. На стенах висели знамена Дома Риона, а вдоль дальней стены располагались стойки с оружием, каждая из которых выглядела скорее произведением искусства, чем местом хранения.

Ирис медленно шла между ними, с искренним восхищением рассматривая искусную работу кузнецов.

— Да здесь оружия хватит, чтобы вооружить небольшую армию...

Ее взгляд остановился на огромном двуручном мече. Она даже замерла.

— Вот это...

Клинок был почти с нее ростом. Темная рукоять оплете-

на черной кожей. Гарда напоминала расправленные драконьи крылья. Он казался настолько красивым, что удержаться было невозможно.

— Ну неужели он настолько тяжелый?

Она осторожно обхватила рукоять обеими руками. Потянула. Меч неожиданно легко сдвинулся с креплений.

— О...

На лице Ирис появилась победная улыбка.

— А говорили...

Закончить мысль она не успела.

Стоило клинку полностью выйти из стойки, как его собственный вес мгновенно потянул лезвие вниз. Рукоять резко вывернулась в ладонях, Ирис инстинктивно попыталась удержать меч, потеряла равновесие, задела плечом соседнюю стойку, та опасно качнулась, потом еще одну, и уже через мгновение тишину крепости разорвал такой оглушительный грохот падающего металла, что, наверное, его слышали даже на внешней стене. Ирис застыла посреди устроенного ею бедствия, все еще судорожно сжимая рукоять злосчастного меча, и с обреченным выражением лица посмотрела на рухнувшие вокруг стойки.

— Кажется... — тихо выдохнула она, — сейчас кто-то очень сильно расстроится...

И словно в ответ на ее слова за спиной спокойно прозвучал глубокий мужской голос:

— Даже боюсь представить, что именно вы пытались здесь

сделать.

Ирис медленно закрыла глаза. Потом так же медленно обернулась. И встретилась взглядом с Джексоном. Несколько бесконечно долгих мгновений в оружейной не происходило ровным счетом ничего. Джексон молча стоял в дверях, скользя взглядом по опрокинутым стойкам, мечам, рассыпавшимся по каменному полу, и виновнице этого бедствия, которая, судя по выражению лица, уже успела осознать весь масштаб катастрофы и теперь отчаянно пыталась придумать хоть сколько-нибудь убедительное объяснение, хотя оба прекрасно понимали, что такого объяснения просто не существует.

Ирис первой не выдержала тишины.

— Если честно... — начала она осторожно, прижимая ладонь к груди так искренне, словно собиралась произнести торжественную клятву, — все выглядело значительно приличнее до того, как этот меч решил проявить характер.

Взгляд Джексона медленно переместился на огромный двуручный клинок, лежавший почти у самых ее ног.

— Решил проявить характер?

— Именно.

Она кивнула с таким серьезным видом, что сама почти поверила собственным словам.

— Я всего лишь хотела посмотреть, насколько он тяжелый, а дальше события начали развиваться без моего участия.

Джексон медленно поднял бровь.

— То есть виноват меч?

— Безусловно.

— Не вы?

— Я тоже пострадала.

Она выразительно продемонстрировала ладони.

— Посмотрите, какие красные.

Несколько секунд он продолжал сохранять совершенно невозмутимое выражение лица, однако уголок его губ все-таки едва заметно дрогнул. Ирис заметила это сразу.

— Вы сейчас почти улыбнулись.

— Вам показалось.

— Нет.

Она уверенно покачала головой.

— Еще чуть-чуть, и это была бы настоящая улыбка.

— Вы очень наблюдательны.

— Просто редко вижу людей, которые настолько старательно делают вид, будто никогда не смеются.

Эти слова прозвучали легко, почти шутливо, однако Джексон неожиданно поймал себя на мысли, что уже очень давно никто не разговаривал с ним подобным образом. Обычно рядом с ним тщательно подбирали каждое слово. Следили за интонацией. Боялись сказать лишнее.

Даже старшие советники временами предпочитали промолчать, если понимали, что их мнение может не совпасть с мнением главы Дома.

Эта же девушка, едва оправившись после ранения, совершенно спокойно спорила с ним, обвиняла в излишней серьезности и одновременно умудрялась выглядеть настолько естественно, словно знала его много лет.

Странное ощущение. Непривычное. Опасное. Он медленно подошел ближе. Только теперь Ирис по-настоящему рассмотрела его.

Раньше ей казалось, что Джексон просто высокий мужчина с суровым лицом, однако сейчас, когда между ними осталось всего несколько шагов, она неожиданно поняла, насколько обманчивым было первое впечатление.

Он оказался значительно выше, чем ей запомнилось.

Широкие плечи заполняли собой пространство так естественно, будто были созданы именно для тяжелых доспехов, а простая темная рубашка с закатанными до локтей рукавами почему-то производила куда более сильное впечатление, чем любой расшитый золотом камзол. На крепких предплечьях белели тонкие старые шрамы, не уродовавшие кожу, а лишь напоминавшие, что перед ней человек, привыкший защищать свой Дом не приказами из безопасного кабинета, а собственным мечом.

Не красавец. Нет. Красивее.

Из тех мужчин, рядом с которыми женщины неожиданно начинают чувствовать себя маленькими вовсе не потому, что они слабее, а потому, что рядом появляется странное, почти забытое ощущение защищенности.

Эта мысль возникла настолько неожиданно, что Ирис поспешила мысленно отмахнуться от нее.

«Вот еще.»

Джексон тем временем наклонился, поднял лежавший на полу двуручный меч и легко, словно тот был сделан из дерева, вернул его на место.

Ирис проводила это движение широко раскрытыми глазами.

— Нет.

Он вопросительно посмотрел на нее.

— Что — нет?

— Не может быть.

Она подошла к стойке и подозрительно посмотрела на меч. Потом снова на Джексона.

— Он же тяжеленный.

— Да.

— Тогда почему у вас это получилось так легко?

— Потому что я много лет упражнялся с оружием.

Ирис недоверчиво прищурилась.

— Или потому что решили произвести впечатление.

На этот раз он действительно улыбнулся. Совсем немного. Однако этой едва заметной улыбки оказалось достаточно, чтобы суровое лицо вдруг изменилось почти до неузнаваемости. Исчезла привычная холодная отстраненность. Жесткие линии стали мягче. В серых глазах появилось живое тепло, и именно в этот момент Ирис с удивлением поняла, на-

сколько опасным может быть мужчина, который улыбается так редко.

Она слишком долго смотрела. Настолько долго, что сама почувствовала неловкость. Чтобы скрыть ее, она поспешно протянула руку к мечу.

— Все равно уверена, что смогла бы его поднять.

— Леди Ирис...

— Не мешайте научному эксперименту.

Она снова ухватила за рукоять. Потянула. На этот раз меч действительно сдвинулся. Лицо Ирис просияло.

— Видите...

В следующую секунду тяжелый клинок вновь качнулся вперед, увлекая ее за собой.

Она инстинктивно шагнула следом, окончательно потеряла равновесие и уже приготовилась познакомиться с каменным полом во второй раз за день, однако вместо холодного удара неожиданно почувствовала, как сильная рука уверенно обхватила ее за талию, легко удержав на весу.

Все произошло так быстро, что она даже не сразу поняла, почему больше не падает. Лишь спустя мгновение Ирис медленно подняла голову. Между ними почти не осталось расстояния. Она впервые увидела его глаза так близко. Не холодные. Не суровые. Просто удивительно спокойные. И почему-то именно это спокойствие оказалось намного опаснее любой вспышки страсти. Время словно растворилось. Где-то за окнами продолжала жить крепость. Во дворе звенели

тренировочные мечи. Кто-то отдавал распоряжения.

Но здесь, среди старого оружия и солнечных лучей, застывших в воздухе золотистой пылью, существовали только двое людей, которые неожиданно перестали замечать весь остальной мир.

Глава 17. Опасный потомок

Кабинет, который Мир временно сделал своим рабочим убежищем после смерти брата, давно перестал напоминать покои человека, уверенного в собственной победе. Еще совсем недавно здесь обсуждали приготовления к коронации, составляли списки будущих назначений, принимали поздравления от тех, кто уже успел признать в младшем брате покойного императора нового правителя Империи, однако теперь тяжелый дубовый стол был завален донесениями, письмами Великих Домов, а в самом воздухе будто поселилось ощущение тревоги, заставлявшее Мира вновь и вновь возвращаться взглядом к одному и тому же свитку.

Он перечитал его уже трижды. За прошедший час смысл написанного не изменился ни на одно слово.

Совет Великих Домов официально уведомлял его о получении запроса на расследование главы Дома Риона и приглашал прибыть на заседание для дачи объяснений относительно нарушения границ чужих земель, вооруженного нападения и покушения на жизнь гостыи, находившейся под защитой Великого Дома.

Само письмо было составлено в безупречно вежливых выражениях, однако Мир слишком хорошо понимал язык государственной переписки, чтобы обманывать самого себя.

Его не приглашали. Его вызывали.

Он с раздражением смял край свитка и резко поднялся из кресла. Все происходило слишком быстро. Слишком не вовремя. Появление наследника уже поставило под угрозу его право на трон, а теперь еще и Дом Риона решил воспользоваться ситуацией, чтобы нанести удар там, где он меньше всего ожидал.

Джексон оказался гораздо опаснее, чем Мир предполагал. Молодой глава Великого Дома не стал вести тайную игру, не попытался договориться и даже не стал ждать развития событий. Вместо этого он сделал то, чего Мир никак не ожидал от столь молодого правителя, — немедленно вынес случившееся на суд Совета.

Тихий стук в дверь прервал его размышления.

— Войдите.

Дворецкий бесшумно переступил порог, почтительно поклонился и негромко произнес:

— Лорд Родер прибыл.

Мир медленно выдохнул. Пожалуй, впервые за последние дни он почувствовал нечто похожее на облегчение. Если и существовал человек, способный найти выход из сложившегося положения, то сейчас он как раз ожидал за этой дверью.

— Просите.

Родер вошел так же спокойно, как входил всегда, словно не замечал ни напряжения хозяина кабинета, ни поспешности, с которой его пригласили во дворец. Он неторопливо снял дорожные перчатки, положил их на край стола и лишь

после этого поднял взгляд на Мира, мгновенно уловив по выражению его лица то состояние, которое невозможно было скрыть никакой выдержкой.

— Полагаю, новости оказались не слишком приятными.

Мир усмехнулся, однако в этой усмешке не осталось ничего веселого.

— Дом Риона оказался расторопнее, чем я рассчитывал.

Он протянул Родеру свиток. Тот внимательно пробежал глазами несколько строк, после чего совершенно спокойно свернул письмо и вернул его владельцу.

— И это все?

Мир раздраженно посмотрел на него.

— Вы либо недооцениваете Совет Великих Домов, либо не понимаете, что подобное обвинение способно уничтожить меня еще до начала разбирательства.

— Напротив.

Родер медленно опустился в кресло.

— Я прекрасно понимаю, что такое Совет. Именно поэтому не вижу причин для беспокойства.

Такое спокойствие неожиданно вывело Мира из себя сильнее любых обвинений.

— Не видите причин?

Он подошел ближе.

— Дом Риона утверждает, что мои люди пересекли его границы, пытались похитить девушку, находившуюся под его защитой. Если Совет признает обвинения обоснованны-

ми, ни один Великий Дом больше не поддерживает мои притязания на трон.

Родер терпеливо дождался, пока собеседник закончит, после чего слегка наклонил голову.

— Позвольте задать один вопрос.

— Какой?

— Ради чего вы вообще отправили туда своих людей?

Мир недовольно отвел взгляд.

— Девушка могла привести меня к наследнику.

В кабинете вновь воцарилась тишина. Родер несколько секунд молча смотрел на него, словно мысленно расставляя фигуры на невидимой шахматной доске, а затем впервые за весь разговор позволил себе едва заметную улыбку.

— Значит, вы допустили одну ошибку.

— Всего одну?

— Да.

Он спокойно сцепил пальцы.

— Вы решили охотиться за следом, когда следовало искать того, кто его оставляет.

Мир непонимающе нахмурился.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что девушка никогда не была вашей настоящей целью. Она являлась лишь дорогой к сыну императора. Следовательно, бессмысленно продолжать спорить о дороге, если можно получить самого наследника.

Родер ненадолго замолчал, наблюдая, как в глазах Ми-

ра постепенно появляется интерес, вытесняя раздражение. Лишь убедившись, что полностью завладел вниманием собеседника, он негромко произнес:

— Что касается Совета... предоставьте его мне.

На губах Мира мелькнуло недоверие.

— Вы действительно полагаете, что способны повлиять на решение Великих Домов?

Родер спокойно выдержал его взгляд.

— Нет. Я не собираюсь влиять на решение Совета.

Я собираюсь сделать так, чтобы они искренне поверили, будто принимают его самостоятельно.

Родер поднялся из кресла и медленно подошел к высокому окну, за которым над столицей уже сгущались сумерки. Последние лучи солнца скользили по башням императорского дворца, окрашивая их в густой багровый цвет, отчего древняя крепость казалась выстроенной не из белого камня, а из застывшей крови, и эта картина неожиданно показалась ему удивительно символичной. Слишком многие были готовы проливать кровь ради власти, даже не подозревая, что самые опасные битвы начинаются задолго до того, как первый меч покидает ножны.

Мир терпеливо ждал. Он уже успел понять, что торопить Родера бессмысленно. Тот всегда размышлял молча, будто выстраивая в уме цепочку событий на несколько ходов вперед, и лишь тогда начинал говорить, когда видел всю партию целиком.

— Совет вы оставляете мне, — наконец произнес Родер, не оборачиваясь. — А сами больше не предпринимайте никаких действий против Дома Риона.

Мир нахмурился.

— Совсем никаких?

— Именно.

Он повернулся к собеседнику.

— После неудачного покушения все взгляды обращены на вас. Любое неосторожное движение только укрепит подозрения Джексона и убедит Совет, что обвинения небезосновательны. Иногда бездействие оказывается самым опасным оружием, потому что заставляет противника ждать удара там, где его не будет.

Мир медленно кивнул. Эта мысль была ему неприятна, однако возразить было нечего.

— Тогда как мы найдем наследника?

Родер не ответил сразу.

Вместо этого он подошел к двери кабинета и едва заметным движением пальцев коснулся серебряного кольца на своей руке. По комнате прошла легкая волна магии, почти неощутимая для обычного человека, и воздух словно стал плотнее, отсекая любые посторонние звуки.

Лишь после этого он негромко произнес:

— Войдите.

Дверь открылась почти бесшумно.

На пороге появился высокий мужчина в темном дорож-

ном плаще. Его лицо было ничем не примечательным, настолько обычным, что уже через несколько минут его невозможно было бы вспомнить, и именно эта незаметность делала его одним из самых ценных людей Родера.

Он молча остановился в нескольких шагах от хозяина. Родер внимательно посмотрел на своего мага.

— Ты отправишься в земли Дома Риона сегодня же.

Мир удивленно перевел взгляд с одного на другого.

— Один?

— Нет, с тобой будут два стражника Совета с официальным письмом.

Родер говорил спокойно, словно объяснял очевидные вещи ребенку.

— Мне не нужен еще один провал.

Он сделал несколько шагов по кабинету, медленно переплетая пальцы за спиной.

— Первое. Узнай, действительно ли наследник находится в крепости.

Маг коротко склонил голову.

— Второе. Не пытайся приблизиться к нему. Пока меня интересует лишь его местонахождение.

— Будет исполнено.

Родер ненадолго замолчал. Именно сейчас начиналась та часть поручения, ради которой он вызвал своего доверенного человека.

— Есть еще один человек, которого ты должен увидеть.

Маг поднял взгляд.

— Глава Дома Риона.

Мир удивленно посмотрел на Родера. Однако Родер будто вовсе не слышал вопроса. Он продолжал смотреть только на своего мага.

— Ты воспользуешься тем заклинанием, которому я обучил тебя недавно.

Тот едва заметно изменился в лице.

— Тем самым?

— Да.

— Но оно позволит увидеть лишь...

— Мне известно, что оно позволит увидеть.

В голосе Родера не прозвучало ни раздражения, ни нетерпения, однако маг сразу умолк. Несколько мгновений в кабинете стояла полная тишина. Даже Мир, ничего не понимавший в их разговоре, почувствовал, что речь идет о чем-то значительно более важном, чем поиски наследника.

Родер медленно продолжил:

— Меня интересует не сам Джексон. Меня интересует то, что скрыто в его крови. Если ничего не увидишь — сразу возвращайся. Если же почувствуешь...

Он впервые за весь разговор запнулся, словно даже проносить эту мысль вслух было неприятно.

— ...хотя бы слабый отклик драконьей сущности, не принимай никаких действий самостоятельно. Не вступай с ним в бой. Не пытайся убить его. Просто немедленно воз-

вращайся ко мне.

Маг нахмурился.

— Вы полагаете, это возможно?

Родер медленно закрыл глаза.

Перед внутренним взором вновь возникли события прошлого, древние записи, которые он перечитывал бесчисленное количество раз, и родословные, над которыми провел не одни сутки, пытаясь понять, как именно поведет себя проклятие Синея после того, как кровь Турена вновь коснется крови Туфана.

— Я слишком долго считал, что сильнейший дракон после снятия проклятия пробудится во мне, — тихо произнес он. — Но Джексон — не просто потомок Туфана.

Он — внук Лиа.

В этих словах прозвучало нечто настолько тяжелое, что даже Мир невольно напрягся.

— Если кровь его бабки оказалась сильнее, чем я предполагал, — продолжил Родер почти шепотом, — судьба может сделать иной выбор.

Он поднял взгляд на своего мага. В его лице по-прежнему не было ни страха, ни злости. Лишь холодная решимость человека, который заранее принимает самое тяжелое решение.

— И если это окажется правдой... тогда Джексон не должен дожить до дня, когда кровь Турена разрушит проклятие Синея. Потому что в тот же миг самый могущественный дракон рода Туфана пробудится уже не во мне. А этого я не

допущу никогда.

Глава 18. Сердце выбирает раньше разума

За высокими окнами крепости Дома Риона медленно клонился к закату очередной день, окрашивая зубчатые стены и башни в мягкие золотистые оттенки, и лишь здесь, вдали от столичной суеты и бесконечных дворцовых интриг, время словно текло иначе, позволяя хотя бы ненадолго забыть о том, что где-то за пределами этих древних стен уже собирались силы, способные вновь перевернуть их жизни.

Ирис сидела у окна, машинально перебирая пальцами бахрому тяжелой бархатной подушки, однако мысли ее были далеко отсюда. С тех пор как она очнулась после нападения, в памяти снова и снова всплывал один и тот же момент — ослепительная вспышка, волна силы, вырвавшаяся будто сама собой, и люди, которых отбросило от нее так далеко, словно они ничего не весили.

Она пыталась найти хоть какое-то объяснение произошедшему. Не находила. И это раздражало сильнее всего.

— Если будешь так смотреть на подушку, — с улыбкой произ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.